

С

Т

Р

Е

К

О

З

А

Яков Авербух
 Александр Александров
 Роман Арсеньев
 Барс
 Андрей Бельшев
 Жорж Вандышев
 Дмитрий Гасин
 Нина Горланова
 Олег Губанов
 Владимир Другов
 Александр Дубинин
 Татьяна Ермакова
 Андрей Наугольный
 Лариса Новолодская

Олег Махнев
 Константин Павлов
 Сергей Пиман
 Аркадий Поляков
 Антон Порозов
 Александр Капченко
 Игорь Кудрявцев
 Леонид Куршев
 Роман Куфтырев
 Три самурая
 Тамара Сизова
 Игорь Смирнов

Ната Сучкова
 Андрей Таюшев
 Павел Тимофеев
 Павел Трубинский
 Даниил Файзов
 Сергей Фаустов
 Альфред Хохряков
 Станислав Хромов
 Антон Черный
 Евгений Шиперов
 Илья Щекин
 Галина Щекина

с-84

4100

В этом номере:

Заоблачный коктейль

Андрей Таюшев, Андрей Бельшев, Павел Трубинский,
Даниил Файзов, Роман Куфтырев, Александр Александров,
Александр Дубинин, Ната Сучкова, Яков Авербух.....1-2

Соло

Олег Губанов *Ученик бурлака*.....3-5
Антон Порозов *Сплошняк*.....6-8
Яков Авербух *Интермедия со снегом*.....9-10
Раман Арсеньев *Приближение*.....11-13
Игорь Кудрявцев *Ты - луковка*.....14
Антон Черный *Взгляд на циферблат*.....15-16
Игорь Смирнов *Десять дней одного порященного мира*.....17-19
Андрей Наугольный *Рембо*.....20-21
Ната Сучкова *Стучит изнутри*.....22-23

Виртуозная виртуальность

Галина Щекина *Не переводи взор*.....24-25

Стенгазета СТРЕКОЗЫ

Илья Щекин *Кузнечик*.....25

Ожерелье Цербера

Роман Арсеньев *«Нежнейшая пытка» Натальи Сучковой или
Возвращение в модернизм*.....26-29
Галина Щекина *Взасос SOS (заметки о лирических откровениях Вади Сми)*.....30-31
Ната Сучкова *Архипов на тропе войны
(опыт бессмысленного текстоведения в занимательных таблицах)*.....32-33

Стенгазета СТРЕКОЗЫ

Андрей Таюшев
Сергей Фаустов *Советы начинающим литераторам от Арика Трецалова*
Павел Тимофеев *Сплин*.....34

Поллитра

А. Бруцкус, С. Сиамский, Д. Чистов *Три самурая*
С. Хромов *Идиллия*
Ж. Вандышев *Похмельный Бетмен*.....35-36

Королевство кривых зеркал

Лариса Новолодская, Константин Попов, Татьяна Ермакова, Олег Манхев.....37

Заоблачный коктейль

Дмитрий Гасин, Альфред Хохряков *Читая Элиота*, Вадим Блинов, Яков Авербух.....38

Стенгазета СТРЕКОЗЫ

Нина Горланова *Ангелы мыли посуду*, Татьяна Ермакова,
Дмитрий Гасин, Павел Тимофеев, Антон Черный.....39

СТРЕКОЗА

N5

2000

Вологодский литературный альманах-индикатор

Главная СТРЕКОЗесса - Ната Сучкова

Заоблачный коктейль

Андрей Ташев

Снова покину я дом как дым,
сделав по жизни круг.
Станет октябрь еще одним
месяцем для разлук.
Вещи я сизнова соберу
и восемь прощальных строк
этих - останется поутру.
Прости. Да хранит нас Бог.

Андрей Бельшев

Ночь белоснежным конвертом
В город опустится снова,
Стонет и тает под ветром
Эхо забытого слова.

Дом разобьется на клетки
Плотно зашторенных окон,
Сон подбирает объедки
Вскрытых сознанием волокон...

Павел Трубинский

Про Симу Подружку

Ловит Сима Подружкина определенную слабость,
На кухню ступает босыми ногами.
Она ставит чайник, чиркает спички
(Руки дрожат).

Ловит Сима Подружкина свою экзистенцию,
Пьет из бокала остатки бывшего вина.
Она проливает каплю на стол, но ловит ее на лету
(Выпивает до дна).

Пальчиком нежным черпает сахар,
Ловит заварник на полке...
(Руки дрожат).

Ловит Сима Подружкина определенную слабость
В том, что похмелье сегодня.
Предпочитает слабое очень вино
(Ловит свою экзистенцию).

А когда она не одна, то она не одна.
Поймает кого-то и давай целовать,
Как микстуру вино принимать.
Потом начинает трещать (не Сима, а ее кровать).

Ловит Сима Подружкина определенную слабость.
Никто, как обычно, не приносит дары.

Кофе, к примеру, в постель.
И допивает Сима остатки вина
И ловит свою экзистенцию.

Сквозит из шкафа

Я опоздал домой,
Уже десять часов.
Наверное это сквозит из шкафа
Ветер молчащих слов.
Дует но створки закрыты -
Щели наверное.
Из шкафа сочится ветер, веющий там на белье.
Корки различных книг.
Плотные ряды.
Просто спокойнее этой битвы
Другой битве не быть.
Буквы - печатные знаки.
Ветер молчащих снов.
Строки одна за другой ложатся.
Уже десять часов.
Перловка зреет на сковородке,
Надо кушать идти,
Но все же сочится ветер
Из шкафа. Тихо свистит.

Даниил Файзов

Полтава. Деревянные игрушки,
Прибитые гвоздями к потолку.
Спартанские условия не учат
(Как если бы Господь страдал падучей),
Свое «не в ногу», прибывая к косяку
Взамен подковы, равнодушию к врагу.

Хомер. И кто-то колет, рубит, режет
Твое же тельце, прилетевшее со скал.
Твое спартанство отдавало словом нежить,
Тебе боялись отдавать любовь и нежность.
Своею лаконичностью спасал
Ты свой народ, отель меняя на вокзал.

Харон. И хор лягушек беспокоен
Своей возможностью стать ужином для рыбы.
Тебя не приняли ни гои, ни изгой,
Тебя, как волка, ноги сломанные кормят.
И выход - утопиться либо... Либо
Твердить на унижения «спасибо».

Спартанский мальчик, скоро взрослые спартанцы,
В оттенки серого одетые «с иголки»,
Оденут твои немощные пальцы
В рукопожатия: «К чему же быть скитальцем?
Мы оставляем ложь и недомолвки.
И отыщи такого же ребенка!»

Заоблачный коктейль

Беги же, мальчик! Мы не в первый раз упали.
У брошенных со скал все дети - Боги.
А их нельзя им отдавать. Тогда медали
Украсят их квартиры и пороги.
Ну, а здоровым в Спарте быть едва ли
Намного лучше, чем разгуливать не в ногу.

Роман Куфтырев

Уставшая дрожать, струна вдруг прошептала:
«Мой гитарист так груб, гитара лишь нежна».
Закончен век ее, она уже устала.
И как тут не устать - всю жизнь - напряжена.

Александр Александров

Я не люблю презервативы,
Но время вносит свои коррективы.
От прошедшей любви до залива
Пройдены километры мира.

Блюзы играет старая лира.
Я, как и прежде, люблю пиво.
Не все дороги ведут до Рима.
город ночью как FUCKел FУCKира.

Что ты там вчера говорила?

Александр Дубинин

Пора переписать "Одиссею" наоборот:
Одиссей сидит дома и ждет,
А Пенелопа путешествует на корабле.
Это будет справедливо...
А главное, - более изящно и счастливо
Наше тысячелетие на Земле.
Выводы делать рано.

У Лукиана
Нет ни одной женщины в преисподней
Годной
Для разговора,
Для научного спора.
Женщины отдыхают хоть там.
Спасибо мужикам.

Ната Сучкова

И потому, что небо - на сплошняк
И потому, что я смотрю на запад
За скорлупой зонта родился запах
От облаков сбежавшего дождя.
Упавший на ладони и навзрыд,
Мир разделивший словно дольку дыни
На солнечную дымь и на бездымье
И на безумье, черт возьми, на взрыв!
И вот теперь мой дом - большой пузырь,
прихлопнутый к поребрику гвоздями
И вдалеке такими ж пузырями
Готовы вздуться и дома моих друзей.
А улицы на дне смешной реки
Чуть включены,
И проплывают важно,
Звеня стекляшками многоэтажек,
Удачливые тролли-рыбаки -
Улов их доброволен и не плох -
Два-три доцента и пяток рабочих
С лохматой затесавшейся меж прочих
Скулящею носительницей блох.
И воробьев, промокших под орлов,
И видит Бог, а он, конечно, видит,
Что этот залитый дождями видик
Еще дает картинку будь здоров!

Ната Сучкова

Я вижу общее и общее есть сон,
припудренный на веках пылью пудры,
Я вижу общее и общее есть утро,
Встречающее сонный мир взасос.
Я вижу общее в бутылочном стекле,
И лучше я водила бы троллейбус
Мне снятся женщины прекрасные как смерть,
Чуть реже мальчики и вдалеке Карл Лейбниц.
И кто-нибудь, а впрочем кто за чужь?
И в толчее троллейбусной площадки
Мне снятся брилловы по ресницам луч
И явное желание возвращаться,
Рубашных чипсов накрахмалены края,
Занястий пепели и избыток мясных мест,
Мне снятся сонны, одна из сонных я
И необходимость оплачивать проезд.

Оригинальный русский текст - Ната Сучкова
Перевод на английский - Яков Авербух

Yakob Awerbuch

I see the commonplace and common is a dream,
Which powdered on eyes by pollen-powder.
I see the commonplace. And it's a morning order,
Which meet this dreamly word, agreed
With advertising attack on bus-doors.
- Hey, trolleybuses! I wanna be your driver!
I see the women - beautiful and dieting
Karl Leibnitz and so rarely stranger boys
O, somebody! O, what is fucking hell!
And is the crush of trolley pusses platform,
Having desire to come back home
I see the ray. This ray is like a blase
Here ends of collars-chips are very strach
And never help me... never, never help!
Is like a guilt this world! Look! Patch-to-patch
I see the dreamings and O! one of them myself!

Олег Губанов

Соло

Ученик бурлака

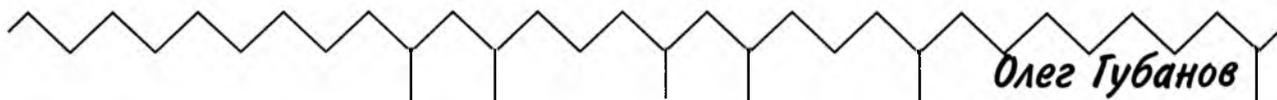
А когда женщина, теряя в позе, обретает в себе человека, вдруг находишь, что выражение лица свежемороженого хека напоминает улыбку Сфинкса, и не в этом ли разгадка, хотя движение звезд и не нарушает своего строевого порядка. Тутловишь себя на остроумно-пошлой мысли, мол, где конец, там и начало другой плоти, следующего поколения; и когда бросив последнее «чао», ты, раскрыв почерневшие губы, выпускаешь душу и расстаешься с телом, не являешься ли абсолютным началом, еще не зная, каким воспользуешься пределом. Кстати о звездах, жизнь подобна кругу, подобна спирали, подобна петле, она затягивается вокруг твоей шеи, и твой силуэт уже как бы подобен тле, запутавшейся в ровной поверхности душистого листочка русской березы, а тебя пожирают стада божьих коровок, а тех в свою очередь толстые козы, и в минуты опасности или слабости ты, не прибегая к помощи крэка, начинаешь звонить по «01», «02», «09», чтобы узнать телефон своего альтер эго.

Попытка узнать телефон своего бывшего альтер эго, попытка все разложить по полочкам, передать через неоднородный ряд знаков от иероглифа человека до «о», которое тега, не только горбушку, но и радости секса, пустую посуду с другом делить пополам, так по Радио России передача «Сауд уль Ислам» кроме клинического интереса вызывает приступ православия; да и не одно это, профилактический укол в ягодицу может послужить причиной трагедии под названием вендетта. Речь начальника отдела по борьбе с угонном автотранспорта выглядит подобием оправдательного приговора оказавшемуся между Сциллой и Харибдой, между городами Содом и Гоморра, оставаясь как бы речью о пролитом кисло-молочном продукте, речью о выеденном яйце; и команда: «Отдать швартовы!» - внезапно натывается на размышления о конце, все равно что в полном троллейбусе выразиться негромко: «Ну у тебя и морда, милая незнакомка». Но отменяя все это, пытаешься схватить убегающую жизнь за грудки, набирая такой необходимый теперь номер, ты говоришь мимо трубки: «Угадайте, в каком ухе я сейчас слышу короткие гудки?»

Итак, набрав определенную комбинацию цифр на дисплее, отсчитав такой необходимый номер, вызвав такого дорогого для тебя абонента, слушаешь короткие гудки, и понимая, что драться в очках, курить трубку, употреблять в пищу махорку, насилловать пьяную секретаршу водопроводчика тебе не с руки, и повторяя без конца - «besame, besame mucho», как подсудимый на товарищеском суде Линча, ты, полная атрофия нервных окончаний, гипсовый слепок слюны Саваофа, ученик бурлака, порванное сухожилие бешеного мустанга, всадник не только без головы, но и без седока, тщательно укладывая по обе стороны от себя ноги профессиональной модели, манекенщицы женского пола, смотришь глазами слепого монгола, конвульсируя ящерицей мозга, и только узенькая полоска на экваторе прямого сознания, а все остальное уходит в субтропики подсознания, полюсами устремляясь к Богу, только с разных сторон, - это мысль оставляет круги; как точный бросок шарлатана в игре в спичечные коробки, даже при условии, что те чересчур легки.

Когда в расчете заглянуть в будущее подбрасываешь спичечные коробки, когда катаешь до столу банку «Снетки». В томатном соусе. Вологодарыбхоз. Белозерский рыбозавод»,

Соло

Олег Губанов

когда вращаешь бутылку, окруженный компанией из одного человека, или когда десантников взвод между собой играет в ромашку, или, готовясь ко сну, надеваешь ночную смирительную рубашку, да и все равно когда, что и зачем, в мире существует такое многообразие тем, такое количество немотивированных поступков, стихов, имея фамилию и даже инициалы на «ов», перманентно пребывая в пограничном секрете между припадками любви к Богу и параноидальными всплесками национализма, сексизма, ты не находишь себе места в обществе Зла и Добра инцеста, и когда однажды ты как будто обретаешь покой, делая утром очередную прическу, вдруг замечаешь, что не все в порядке с твоей головой.

Вот так просыпаешься утром, водишь до подушке головой, и некому сделать пункцию, высосать из основания мозга менингитный гной. А в отверстия глаз проникают кусочки света, мысли соскакивают с извилин, выделяя выхлопов хвост, словно комета, прожигая язык, обжигая небо, оставляя ядовитые метки на коже лица; слово, как дым у опытного курильщика, выходит в виде кольца, имея в основе сакральный слог -аум-, не взирая в каждом отдельном случае на этимологические преимущества другого слога, ведь в Начале было слово, и слово было убого, незамысловатое сочетание звуков, букв несет потаенный смысл, глубинную кривизну, изгибаясь овальным зигзагом, так слово «аум» имеет форму женского лона, так рыба, не замечая крючка, делает объектом атаки блесну; слово - это обруч, веревка, пояс, спасательный жилет, дыры от копий и пуль в наших висках, сердцах при мысли об имени Мария, Лена, Оксана, Бибигуль, при мысли о Бесконечности, при невозможности знать имя Бога, тычешься фразой-слегой, пока не проткнешь очаг, птолемеев купол, и тебя не выбросит в космос из грязной каморки, одетый ты от Кардена, Юдашкина, Ивановского облшвейпрома или просто нагой.

Когда женщина, меняя позу, принимает очертания человека, когда по 09 пытаешься узнать телефон своего альтер эго, после же, набрав номер, слушаешь короткие гудки, когда подбрасываешь вверх спичечные коробки, а те легки, когда вдруг осознаешь утром, что не все в порядке с твоей головой, разве ты тогда, одетый ты или нагой, сжимая в пепельнице «Кэмел», «Мальборо», «Беломорканал», оставляя в стороне проблему «нал-безнал» и такие понятия, как маркетинг, бейсбол, электрификация, даже если воспринимаешь рецидивы жизни как некий перформанс, акция, - думаешь ли ты, оперируя постулатами проституции, предавая свое пигмейство, или уподобляясь луковичному юноше из благоухающего декоративного семейства, что знаешь смысл, цель, задачу, надежду, ответ, и если да, то в достаточной ли степени, чтобы не сказать нет.

1992/93

*

Заснуть мешает иногда,
на кухне капая, вода.
Шумит: сюда-сюда-сюда...
А я, в ответ над ней глумясь,
лежу, тихонько отрубясь,
и темноту перед собой
смотрю, не двигая губой.
Как будто загнанный ковбой.
Как будто камень над рекой.
Как будто в буре есть покой.
Как будто я лежу в трубе.

Соло

Олег Губанов

Как будто я должник себе.
Иголкой словно колет зрак
коварно-сексапильный мрак.
Не реагируя никак,
впотьмах лежит пустой дурак.
Для сна, не тратясь просто так,
он словно силы берегёт.
А время сквозь него текёт,
сердечной топки жар пекёт.
Все излучения Земли,
все силы Космоса всплыли
и между атомов его
снуют пассивно-делово,
не разрушая ничего.
И мозг замедленный в уме
рождает виды, метама-
тафористичности следы,
которые дают плоды.
Журчанье вкрадчивой воды,
меня в тягучую длину
(я мыслью с липы на сосну)
перемещая в глубину,
дарует неизбежность сну,
где сладко приторчит душа.
Так жизнь проходит не спеша,
людские судьбы вороша.

Монимба

О Господи
только и могу сказать

ЗанудаЗанудаЗанудаЗанудаЗанудаЗанудаЗануда

КОСТРОМА
МОН АМУР

Осенью 99 в Костроме прошли уже традиционные поэтические чтения для молодых - "Проба-99" им. Нины Искренко. Традиционны они для Костромы, а вологжане услышали о них впервые и сразу же решили эту пробу испробовать. От нашей области (спасибо Комитету по делам молодежи и организаторам конкурса - Костромскому отделению СПР, творческому содружеству "Гамаюн" и лично Олегу Губанову) почти целую неделю в Костроме гостили Яков Авербух, Андрей Наугольный, Лариса Новолодская, Антон Порозов, Краида Метляева, Наталья Сучкова, Сергей Богданов и Александр Дудкин. Радовались чужим стихам, радовали своими. Баловались и прозой. Среди метров были замечены Светлана Василенко, Олег Павлов, Марина Кулакова, Игорь Жуков, Галина Щекина, которые не только расставляли поэтов и прозаиков по местам парнасской иерархии, но и делали разнообразные комментарии. Один из них был такой: "Над Вологодой пролетел Бродский", и прозвучал после чтения стихов Авербуха и Сучко-

вой. Самими же участниками было замечено существенное отличие поэзии по принципу территориальности - к Вологде явно тяготеет Кострома, а вот Иваново и Ярославль скорее можно поставить в один ряд с Череповцом. Урбанистичность промышленных центров оказала явное влияние на форму стихотворцев там проживающих (с ней экспериментировали как могли!). И хотя геопозитика вещь серьезная, но настоящий талант он и в Африке - талант.

Кстати, вологжане увезли с собой три диплома (А. Наугольный - первой и единственной степени в семинаре прозы, Я. Авербух - пятой степени в номинации "поэзия", А. Дудкин - здесь же - четвертой степени), а так же огромную кипу стихов своих новых друзей. С их творчеством "СТРЕКОЗА" №5 как раз вас и знакомит. Читайте внимательно Олега Губанова, Игоря Смирнова, Игоря Кудрявцева!

Ната Сучкова

ПОД ТЕНЬЮ ИСКРЕНКО

Костромские гастроли в октябре 1999 года стали событием для вологодской литературной молодежи, не говоря уж о старшем поколении. Никто не предвидел, что Межрегиональный литературный конкурс будет иметь такой постмодернистский крен, и понятно, что поэтическая Вологда смотрелась на этом фоне консервативно. Костромичи очень гостеприимны, но - с их любовью к акциям и всякого рода шоу, с их «Гамаюшей» - сильно смахивали на детсад. Что ж, поклонники Искренко и не могут быть другими. А вот система отбора и оценки могла бы быть другой. Даже сами члены жюри (Марина Кулакова, Игорь Жуков, Марк Шагуновский) удивлялись, почему отмеченные ими авторы вовсе не попадали в финал.

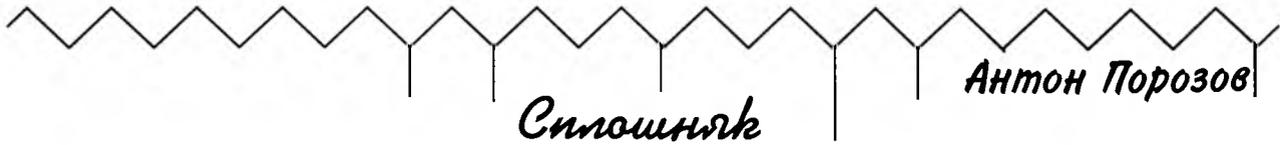
Установлено, что вологодские авторы, пославшие свои рукописи по e-mail, в конкурсе даже не рассмагивались, их около пяти человек, а их участие было бы как нельзя более кстати. О. Губанов дал очень ненадежный канал связи. Кроме того, по словам члена жюри Г. Щекиной, Губанов «вел себя как маленький фюрер», пытался влиять на решения жюри и злорадно желал участникам конкурса - «пусть поволнуются». Обещал, что имя Искренко не окажет влияния на отбор. А и нет, оказалось.

Пикантные подробности: среди конкурсных текстов были «Исповедь гомосексуалиста» (имя автора не запомнилось) и вызов-

Окончание на стр. 21

ЗанудаЗанудаЗанудаЗанудаЗануда

Соло

Тогда это был вполне обычный день, один в ряду других, похожих. Правда, все они были по-своему необычны - дипломный аврал (на нашем сленге - "сплошняк") бывает только раз в жизни. А своё истинное значение тот день приобрёл немного позже. Тот день. Можно сказать даже - Тот день (с большой буквы). Или ТОТ ДЕНЬ. Нет, чересчур кричаще. Пусть будет просто: тот день.

Пришёл я в мастерскую, вероятно, часам к десяти, приехав к институту на пятнадцатом и заглянув по пути в ларьки у моста. Там я купил батон, банку шпротного паштета, полуторалитровый пузырь "Колокольчика", а главное, бублики. Хорошая штука - бублик. За один раз наестся можно. И стоит недорого - рубль. Бублик за рублик.

Мастерские были залиты солнечным светом, чаем и отмывкой. Постепенно приползали к рабочим местам осоловевшие дипломники и их помощники - особая категория студентов. Помощники бывают друзьями, наёмными работниками (конечно, неофициально) или фанатами архитектурного черчения. Иногда и то, и другое, и третье одновременно.

Начинался рабочий день. Врубались мозги и магнитофоны.

От моего прихода проснулся спавший на четырёх стульях Артём Рахматулин - дипломник-второгодник, душа любой компании, неиссякаемый фонтан сквернословия и остроумия. Правда сейчас, спросонья, он малоразговорчив.

- Привет, ты что, ночевал? - спрашиваю, не дожидаясь ответа - и так ясно. - Куприянов приходил?

- Да, он тебе отзыв оставил, - ответил Артём, - вон там, на столе.

Та-ак, посмотрим. Ого, вот это обороты! Особенно такой период: "Неспешность и настойчивое стремление дипломника самостоятельно овладеть всеми аспектами выбранной темы свидетельствуют о добросовестном подходе к делу и о добром человеческом отношении к потребителям архитектурной продукции". Мягкий намёк на то, что я упрямый тормоз. Хорошо, что отзыв не зачитывают перед комиссией. Руководитель обычно присутствует на защите и отзывается о проекте устно. Однако, каков слог! Вот Володя, рецензент, тот хоть и промедитировал над рублеными фразами моего черновика часа два, а всё-таки переписал его почти слово в слово. Подбросить рецензенту набросок рецензии - приятная возможность сказать о себе хорошее.

Засовываю в общий котёл провизию и иду в мастерскую шестого курса переодеваться и забирать спрятанные инструменты. К Артёму я перебрался на прошлой неделе. Мне необходимо было оперативное пространство для глобальной отмывки - шутка ли, отмыть восемь квадратных метров чертежей! Здравуюсь с Шурой Шевцовым, недавним моим соседом. Невысокий, страдающий от лишнего веса альбинос, он уже в эти утренние часы обливался потом. Погода, надо сказать, нынче выдалась отменная - пятаку неделю жара под тридцать градусов. Напольный вентилятор, притащенный Шурой в мастерскую, без толку гонял спёртый горячий воздух.

Шура придумал себе занятную тему: "Спортивно-технический центр с военным комиссариатом в Вожеге". Его руководительница, профессор Белогорская, всю распекала нарисованную им вчера аксонометрию, и - о, какое кошунство! - собственноручно расправлялась с ней ластиком. Рядом сидели девчонки с четвёртого курса и чертили на других Шуриных подрамниках. Насколько я понял, их "подписала" Белогорская в обмен на запоздавшие зачёты. Одна из них была беременна, месяц этак пятый. С недавнего времени я стал обращать внимание на подобные вещи.

В мастерской третьего курса Люда Ефимова вручную писала надписи древнерусским шрифтом.

- Люда, что ты делаешь? Такой шрифт можно на компьютере подобрать.

- Я знаю. Просто, когда я вырисовываю эти витиеватые буквочки, я тащусь.

При слове "тащусь" Людмила улыбнулась своими божественно-чувственными губами. Несмотря на сплошняк, она умудрялась выглядеть оптимисткой. И всё-таки в последние дни появилась на её лице какая-то встревоженность. Я пытался разобрать надпись на её майке-топике "Sorry, we're closed. May be, next time."

- Антон, ты не боишься? Скоро защита, я так боюсь. Вчера весь вечер валерьянку пила.

- Нет, не боюсь... Люда, а что у тебя на майке написано?

Люда повеселела:

- "Извините, мы временно закрыты. Может быть, в следующий раз".

- Ну вот, с такими лозунгами мы никогда не пропадём.

Нашу мастерскую по всей ширине и почти до потолка разделяют козлы, на которых с обеих сторон в два ряда составлены планшеты. Иногда мы по необходимости снимаем все планшеты, а иногда совершенно не видим своих соседей. В обеих частях есть свои двери. Тем не менее обе половины составляют единое психологическое и аудиопространство.

Рядом со мной Денис Демидов выполняет высокохудожественную полихромную отмывку. Я восхищённо поглядываю на его подрамники. Вернее, это подрамники Дениса Полякова, а Демидов ему помогает. Но какая классная отмывка! Огромной беличьей кистью Денис прокрывает весь подрамник - метр на метр - сумасшедшими спектральными красками. И на втором плане яхт-клуба, сливаясь с водой и сушей, возни-

Соло

Антон Порозов

кает невероятно красивое закатное небо. Фиолетовое вверху, оно безупречными растяжками переходит от тёмно-синего к изумрудному, лимонному и нежно-розовому на горизонте. Конический объём здания темнел на его фоне, похожий на плавучую тростниковую хижину. Зурбаган, да и только.

К нам заглядывает Славик и обращается к своим:

- Парни, идёмте есть, девицы проголодались.

Реплика вызвала среди нас некоторое оживление.

- Славик, это теперь так называется? - спрашивает Паша.

- Что особенно странно, - замечает Денис, облизывая с кистей лишний раствор, - девицы проголодались, а парни идут есть. Пойдём.

У нас за самоваром своя компания.

Вслед за Славиком в мастерскую входит Белогорская - пожаловаться на дремучую бездарность и упрямство Шурика.

- Шевцов меня изнасиловал!

- Как, опять?! - сочувственно восклицает Артём. - Елена Константиновна, садитесь с нами чай пить.

- Какой у тебя чай, Рахматулин? Я не пью чай в антисанитарных условиях.

Артём выключает самовар и в три приёма заваривает чай. Ребята выкладывают еду, и на столе возникает гора хлебулочных изделий - слойки, батоны, печенье, сушки, ромовки, сухари, пирожки, ватрушки, лепёшки, гренки... Кажется невероятным, неужели мы через пятнадцать минут всё это съедим?

Я иду на шестой курс за своей кружкой и бубликами.

- Зови Шевцурика чай пить! - кричит мне вслед Артём. Странное дело, за глаза он называет Шевцова ласково "Шевцурик, любовь моя платоническая", а в глаза честит почём зря.

- А-а! Пришёл, небритая свинья! На запахах паштета! Шевцов, обрати внимание, это заварка, куда ты столько льёшь, отбери у него чайник! Шевцов, ты сам-то замечашь, как от тебя воняет? Как там с тобой девчонки чертят? Вон Антоха, парень, и тот не выдержал, сюда перебрался! Отберите у Шевцова банку - он паштета на два пальца намазывает, паразит! Всё-то надо на халяву, дай нож сюда!

- Погоди, дай хлебу отрезать.

- "Хлебу"! - передразнивает Артём, - Шесть лет в городе живёт, не отучился по-деревенски базарить.

- У вожегодских собственная гордость. - говорю, - Он тебе не хвастался, как Вожегу хотели в город переименовать?

- Да, - оживляется Шевцов. - Собирались переименовать Вожегу в город Луев, был такой герой Советского Союза, кавалер ордена Славы.

- Креститься надо локтем, что не переименовали. Парня я, конечно, уважаю, но посуди сам - была бы слава: Луев - город... Никогда бы не отмазались. Сколько там таких живёт, в Вожеге твоей? Какое там население?

- Десять тысяч.

- Десять тысяч? Всех можно загнать на один стадион и расстрелять.

- Да за что расстрелять-то?

- Если там все такие, как ты, Шевцов, всех - в расход! Ты почему заставляешь беременную девушку на себя работать? Прямо как бразильский плантатор. Шевцендейро! Вот принесу КЗОТ - посчитаем, сколько статей ты нарушил. И на фиг тебе вентилятор, всё равно никакого толку. Вот Женя, - кивает Артём на молчаливого соседа, - недавно ходил к врачу, к терапевту. Он вырос в северных районах страны...

- В Баку, - вставляет Женя, посмеиваясь.

- ...Да, и ему по состоянию здоровья необходимо заниматься с вентилятором.

Теперь настала очередь Шевцова отрываться:

- "Заниматься"! Ну надо ж так сказать! "Заниматься с вентилятором"!

- Шевцов! - хлопает ладонью по столу Артём, - что за пошлые ассоциации? Развратная вонючая свинья!

- Во-во, - замечает Паша. - Вчера сижу, черчу. Вижу, к Шевцову Люба пришла побеседовать о проекте.

А он, бесстыдник, её к себе на колени посадил и чёрт-те куда руками лезет.

- Не ври! Что ты болтаешь? - вяло отпирается Шура.

- Да уж это не было похоже на деловой разговор. Я сижу, от срама не знаю куда и глаза отвести.

- Всё, Паша, перебирайся к нам. Бойкот Шевцову! - выносит вердикт Артём.

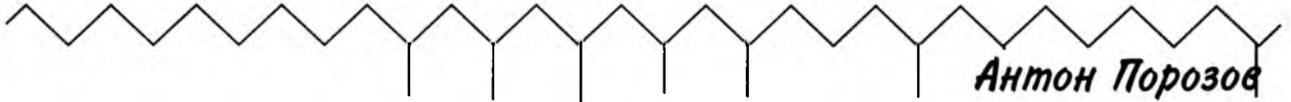
После чаепития иду в туалет мыть кружку и руки. Руки чертёжника должны быть чистыми, как у чекиста. Парни перекуривают и разбредаются по рабочим местам. С магнитофонной ленты звучит запись "Криминального чтива".

- "...я натравлю на тебя двух напирывшихся негров с автогеном, и они твоей заднице инквизицию устроят..." - слышится голос киношного негра.

Артём с энтузиазмом подхватывает:

- Я натравлю на тебя, Шевцов, двух начертившихся архитекторов с циркулем и ... что у нас ещё такое есть? ... и с резакими, и они твоему проекту рецензию устроят.

Цельми днями у нас звучат "Криминальное чтиво", "Место встречи изменить нельзя", "Вопли Видопля-

Антон Порозов

сова”, “Ноль” и “Offsprings”. Торцовую стену украшает самодельный плакат с цитатой: “Браты, я знаю, шо вы е, я кличу вас”.

- Артём, а куда вы дели “Zed dead”?

Ещё вчера рядом с “братями” висел другой плакат с репликой Брюса Уиллиса “Zed dead, baby, Zed dead”.

- Вчера пошли на пятый, плакат девчонкам показать, а они сразу “о-о, какая чума, сюда, сюда, к нам”. Ну и пришлось подарить. Весь день вчера наперекосяк. После “Радуги” пошли на берег, вернулись вечером. Сiju никакой, на генплане улицы подписываю - улица Рахматулина, шоссе Голицына... Оксана заглянула - пишу “оксановская роща”...

Дверь в нашу мастерскую украшает принтерная надпись: “Склад мёртвых негров”. Это был наш с Шевцовым подарок от мастерской шестого курса мастерской четвёртого курса. А вчера к Артёму приходил его приятель, чернокожий парень.

- Он не обиделся, когда надпись прочитал? - спрашиваю Артёма.

- Нет, говорит, я привык к расистским выпадам. Я недавно по пьяни ему фразу из “Криминального чтива” процитировал, ту самую, про наширявшихся негров - ништяк, не обиделся.

- Fee-ee-lings, oh-oh-oh, fee-ee-lings... - орут “Offsprings”, и голос Артёма растворяется в потоке децибелов.

- Славик! - кричит Паша. - Пойдёшь сегодня с нами на берег?

- Нет.

- Что так?

- Так ведь пожар начнётся, не остановить.

Паша просит отпить из бутылки “Колокольчика”.

Услышав о наличии в мастерской газировки, не видимый за козлами Артём ехидно вещает:

- Антоха, дай мне “Колокольчика” - позвонить.

Так, это не просто просьба. Нужен достойный ответ.

- Артём, - отвечаю. - У тебя есть свой колокольчик.

Паша улыбается, не отрываясь от бутылки.

- У меня сломался мой колокольчик, - доносится голос из-за козел. - Сломался язычок.

- Так ремонтировать надо!

- А, сука! - поперхнулся Паша.

- Не отремонтировать - всё с корнем выдрано, - увлётся дискуссией Артём.

- Фу-у! - возмущается Паша и продирается через козлы.

Вскоре он притаскивает компрессор с аэрографом и собирается приступить к отдувке рахматулинских подрамников. Отдувка - мероприятие шумное, требующее большого пространства и определённого мастерства.

Женя внимательно изучает специально натянутый для черновика подрамник.

- Паша, а как у тебя оттяжки аэрографом получаются?

- Наловчился. Там, где нужно, часть факела в сторону отвожу.

- Так ведь весь подрамник забрызгать можно.

- Ерунда. Поотдуваешь с моё, тоже научишься.

После “Offsprings” включается “Ноль”: “...крутится рулетка, играет джаз, я проиграл, я пидарас...”

Артём незаметно подходит ко мне и шёпотом поёт на ухо:

- Я не отмыл, я раздолбай.

- Ты не отдул, - парирую я.

- Да ладно ты, я так.

Не дослушав “Ноля”, Паша заводит компрессор, и мастерская тонет в его рокоте. Поймав Артёма, Паша рисует ему на плече цветную тату аэрографом. Краска растекается по коже в виде паука. Восторженный Артём гордо демонстрирует тату по всем мастерским. Рядом с Пашей выстраивается очередь желающих татуироваться. Парни украшают себе плечи, Люда с Оксаной заказывают рисунки на ногах ниже колена.

Вечер. Пора собираться домой.

Завтра будет почти такой же день, почти та же работа, те же товарищи, и те же разговоры. Только на один день ближе будет защита и завершение шести лет учёбы. Нет никакого страха, я спокоен за свой проект - он у меня хороший. Я всё успею доделать. И голос мой не дрогнет на защите, отрепетирую. И - прошай, архитектура!

Через три дня, когда всё уже кончится, я позвоню по межгороду, и узнаю нечто, что сделает этот день особенным. Я знаю, что это “нечто” случится на днях, может быть сегодня, а может быть, и через неделю. Забавно, если это произойдёт одновременно с моей защитой.

За окном сгущаются сумерки и начинают мерцать фонари. Укладываю инструменты в тумбочку, и, поглядывая на часы, ищу попутчиков, кому надо проходить через вахту. Скоро последний автобус. Приду домой, поужинаю, приму ванну, лягу спать и очухаюсь часам к девяти. В десять снова буду в мастерской.

А через три дня я узнаю, что в Этот День моя любимая родила. Не моего ребёнка.

Соло

Яков Авербух

*Интермедия со снегом**Посвящение А.И.*

1.
 Кто бежит, спотыкаясь по парку?
 Снег? Ведь ты не слепая, но черт его знает,
 что врачи написали в твоей медицинской карте.
 Или, может, зима виновата? В агентствах по найму
 не ищите вакансий парней и вакансий девчонок,
 уходите домой и строчите на кухнях вирши
 и скажите «мерси» Анжелике за «Зимнюю Вишню»
 Ну, а ты? Ну, стряхни же ты с плеч эти белопогоны
 Видишь, вот и улыбка на скулах моих колючих...
 Ну, снимай, если ты так не любишь...
 Раз я так люблю их.

2.
 Мы с тобой в кровати полежим
 я сегодня буду массажист
 Что американский президент?
 Он со мной в сравненьи импотент
 На столе два карточных туза:
 - Я на кухню... Ну, какой базар!
 Был фрагмент шалыпинской блохи,
 а теперь прочту тебе стихи:
 Ты прости, но я не Мандельштам
 Мандельштам на полочке. Вон там.

3.
 Как изгиб застывшей реки
 в мире нет ни одной руки
 В мире нет ни одних волос,
 чтобы так от них не спалось
 И черней твоего зрачка
 на Земле лишь моя тоска

4.
 Но только посмей без меня упасть,
 двинуть одним перстом.
 Что будет? Истерика гончих глаз
 над перекошенным ртом.
 Но только посмей меня не сберечь,
 Распять, разбить, разорвать
 Лишить мою голову - нет, не плеч
 и все возьми задарма.
 И если ты воин, прожженный в боях,
 Ударь сильнее в тимпан,
 Войди в эту реку, я дважды твоя,
 я трижды твоя иордан.
 И пусть предстанет пред очи мои
 Зеленый ливанский кедр
 и воды мои толкай-тяни
 и соли из этих недр
 И ветви свои по ветрам распластав -
 неведомую финифть
 не стань же столбом для погранзастав
 и тень для меня храни

Соло

Яков Авербух

5.
 Когда ты спиной сидел, опершись на диванного льва
 Когда ты курила, собой зачеркнувши кровать

Когда ты рукою уперся в молчанье скулы
 Когда ты откинула волосы, словно полынь

Когда ты устало накинул на плечи халат
 Когда ты сказала, что тысячу лет не спала

Тогда остаются лишь прямоугольники стен
 И выключить свет, засыпая почти насовсем.

6.
 Снег пойдет под вечер, ожидая
 лап терьеров, каблуков красавиц
 плавно и спокойно опускаясь
 не неся с собою ничего
 Кроме как тоску и хруст капустный
 чей-то плащ в тональности безвкусной
 Дерево, как палец заскорузлый,
 указующий в мое окно.

Падает на головы и плечи
 заглушает возгласы и речи
 оттеня розовым и вечер
 и иные тайные места
 То ли, Боже мой! Подобен флейте
 То ли прошуршавший мимо грейдер

чувствует себя тысячелетним
 и почти ровесником Христа

Выходи. Как миновать, сожитель
 Пальмы пэтэушных общежитий,
 Где из окон слышится: «Скажите...»
 а часы оставил в санузле
 Здесь, когда вас спрашивают время -
 Подсознательно считают семя
 и как следствие, конечно, бремя
 И рисунки пальцем на стекле.

Тень проходя сойдет с моста и
 с губ ее мелодия простая
 понесется, превратясь в кристаллы
 и заполнит меж домами брешь.
 Только отдаваясь белым хлопьям
 По карману вдруг себя похлопав
 тень поймет, что этот белый хлопок
 лучшая из всех ее одежд

И не стоит торопить события
 ждать жары и треска перекрытый.
 Кока-колы, или, может, сбитня
 комара, сидящего в брови.
 Будет время для иных приливов
 Ах, жрецы купин неопалимых
 знаете, как быть всегда любимым?
 Хочется - как странно - нелюбви.

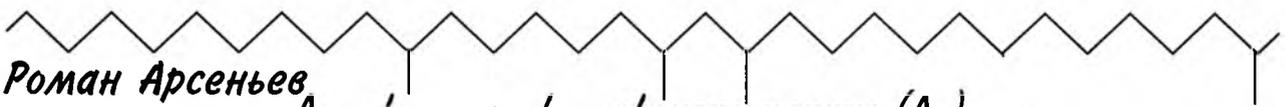

Барс

«Когда люди вступа-
 ют в тесное общение
 между собой, то их по-
 ведение напоминает
 дикобразов, пытаю-
 щихся согреться в хо-
 лодную зимнюю ночь.
 Чем холоднее, они при-
 жимаются друг к дру-
 гу, но чем сильнее они
 это делают, тем
 больше они колют
 друг друга своими
 длинными иглами. Вы-
 нужденные из-за боли
 уколов разойтись, они
 вновь сближаются из-
 за холода. И так - все
 ночи напролет».

Артур
 Шопенгауэр

Соло

 Роман Арсеньев

Лингвистические эксперименты (Лэ)

Лэ № 5. Приближение

Они приехали в Гурзуф на день раньше меня, уже потревожили море, облюбовали одно из многочисленных кафе. Ночной город был тих – только при выходе на набережную вы попадали в ослепительный фейерверк огней, в поток сменяющих друг друга музык, – попадали, терялись, кричали сквозь шум, смотрели на море, на тускло переливающиеся в темноте волны.

Они любовались морем, уходили в городской парк с бюстами русских писателей в советском стиле, там отдыхали от шума. Я чувствовал их: они были близки моему настроению, похожи на меня, наблюдавшего за ними, завидовавшего им.

В ней что-то было, а может быть, и наоборот – чего-то не было. На даче Чехова мы вдруг встретились, и я посмотрел ей в глаза. Всегда интересно украдкой или открыто наблюдать чем-то примечательное женское лицо, а потом ждать повторного любопытного немого вопроса. Но последнее время я редко делал это, устав не от некрасивых, а от немилых лиц.

Высокая до неуклюжести и неуклюжая до грациозности, она не отвернулась, но и не проявила любопытства. Она тоже рассматривала меня.

Наша маленькая группа подошла к перилам у бухты в скалах, и мы улыбнулись волнам, ударяющим в камень, и еще раз удивились красоте купленного Чеховым участка. А потом вдруг она повернулась ко мне и спросила, не знаю ли я вид дерева, раскинувшегося слева над перилами. К счастью, я знал это дерево и даже сказал его название. Потом осторожно посмотрел на ее сопровождающего – он же был не менее мил, чем она, восторгался сущими пустяками, не замечая ничего вокруг. Она захотела попробовать щетинистый плод платана, но я посоветовал ей не делать этого.

Знакомства на юге случаются быстро. Я подошел к их столику в кафе, я все узнал о них.

Глупости! Конечно, не женаты. Конечно, хотели бы познакомиться. Филолог? Чеховед? А чем занимаются чеховеды? (Сказал бы я, чем занимаются чеховеды...) Надолго? Скоро в Ялту? Жаль. Отдыхаем. Да, дикарями. Из Питера. Море? Чудесно! Люда – медсестра, Саша – безработный, но очень любим своими родителями. Знакомы с детства. Люда на год старше. Непохоже? (Смех). На море первый раз, не считая Балтийского. Вы тоже?

Я провожал их по парку с советской скульптурой. Мы поднялись к гурзуфскому кинотеатру и попрощались. Меня ждал Чехов, но в этот вечер, по-моему, в низенькой покатой комнатке я становился тургеневедом высшей литературно-некритической степени.

У меня в запасе была еще неделя.

В шесть часов утра я встречал рассвет. Я плыл по блестящей золотой дорожке навстречу источающему ее солнцу. Потом сидел на гальке, смотрел на море. Балл – не больше. Волны словно тянулись к ногам, и там, где ты даче не ждал их, достигали тебя и грели соленым теплом. Затем откатывались, тащили за собой гальку, наверное, с треском гремучей змеи и исчезали, умирая, под следующим гребнем. Наплыв – отошла, наплыв – отошла, все ближе и ближе, все дальше и дальше: бесконечное движение, бесконечное приближение и бесконечная разлука. А солнце грело плохо, изредка, я крутил в руке отполированный камень и бросал его в волну, всегда очень недалеко, хотя и изо всех сил.

Пришли они. Поздоровались, потрогали воду. Саша плыть отказался, Люда посмотрела на меня, и я не отвернулся. Она скинула платье и поплыла, ничего не сказав. Я подождал реакции Саши – ноль реакции. Залезать в воду второй раз не хотелось, но что-то обязывало. Тем более – она обернулась и насмешливо помахала рукой. Больше на Сашу я старался не смотреть и бросился вдогонку. Люда плавала лучше, и ей пришлось подождать меня.

- Почему не по дорожке? – пропыхтел я.

- А зачем? – рассмеялась она в ответ.

Я не смог ответить зачем и молча поплыл за ней. Люда то останавливалась, то отрывалась от меня далеко вперед. Она показывала мне на туманную гору за Ай-Данилем, на медуз под нами и рассказывала. Как училась плавать, как Саша пригласил ее на море, как ей не нравится ее работа.

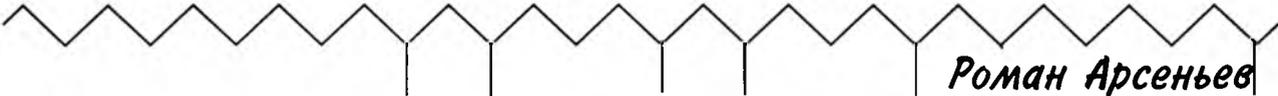
- Мы пришли, а вы смотрели на волны и думали, - заметила она. – О чем?

Мне захотелось сказать ей что-нибудь приятное, но сейчас это выглядело бы слишком нелепо, как, впрочем, и любые другие слова. Я ничего не ответил, а только кивком головы дал понять: плыву назад.

У берега мы обнаружили барахтающегося Сашу. Он все-таки решил пуститься за нами – пустился, но тут же притормозил, плавая кругами недалеко от захода в воду. Втроем мы очень весело стали выбирать: Люда вытолкнула с волной своего друга, и та же волна захватила ее и мягко бросила в мои руки. Я почувствовал ее мокрую кожу, запах ее мокрых волос, и море секунду отдавало ее мне, протягивая и настаивая, словно я отказывался. Я не отказывался и делал вид, что помогаю не утонуть, но больше всего мне бы хотелось в этот момент, чтобы Люда взглянула на меня и не отвернулась.

Наконец, мы выбрались на берег. Я себя чувствовал смущенным, потому что она не глядела на меня, убирая глаза вниз. О Саше я вспомнил только по пути с пляжа: он был замкнут, тих, на все вопросы

Соло

 Роман Арсеньев

отвечал со сдержанной улыбкой. Думая позже об утренних приключениях, я уже становился чуть-чуть и лермонтоведом.

- Саша заболел, - сообщила мне Люда вечером, - ведь он из-за меня решил поехать дикарями. Боялся, что в санатории мне будет скучно.

Я хотел навестить его, но Люда сказала, что его поместили через необходимые в этом деле связи в военный госпиталь министерства обороны. Вход туда охранялся.

- Ерунда, - заметил я и повел ее окольными тропами. Недавно я случайно забрел к этому красивейшему зданию и фонтану перед ним и сфотографировался на память. Я отлично помнил свой вчерашний путь, и вскоре мы оказались на месте.

На наше счастье, отдыхающий Саша сидел на балкончике четвертого этажа. Он знаками показал нам: не разговаривать, ему не спуститься, не знаю, что делать. Мы ответили: напиши записку. Через минуту с балкона вылетел белый комочек

«Люда! Тебя устроить сюда же не удастся. Меня навестить сможешь только завтра. Деньги в правом кармане моей сумки в записной книжке. Извини, просто снова осложнение. Позвоню через час, будь у тети Шуры. Целую».

Я не видел его огорчения или радости по поводу моего прихода: он только дружески махнул мне. Люда кивнула ему в ответ, и я проводил ее домой. У домика тети Шуры я лишь сказал, что она может располагать мною, как захочет. Она посмотрела мне в глаза и не отвернулась.

Я ощущал свою зависимость от нее. Мне приятно было думать о ней вечером, потому что прошел день рядом с ней, я вспоминал о ней утром, потому что и этот день надеялся провести так же.

На следующее утро мы снова плыли вместе, и я предложил днем пробраться на один из тихих санаторных пляжей, которые хоть как-то были защищены от нудистов, завоевавших все побережье.

Был ли забыт Саша? Нет, по-моему, мы только о нем и говорили. Я не знал серьезности их отношений, но эти разговоры явно не шли им на пользу. Мы яростно и открыто сожалели о случившемся, яростно и открыто отдавая его от себя.

Позже. Солнце стояло высоко, и небо было чисто. Мы шли по пыльным виноградникам в сторону от Аютдага, то перелезая через арматуру и бетон, то пробираясь сквозь колючие кусты, то находя тропы в зарослях высоких камышей. Вскоре показался «Ай-Даниль». В его ограде зияла дыра постсоветской величины, а крайний левый пляж у последнего волнореза оказался совершенно пустынным...

Тихо. Лишь плещутся волны, и они идут к нам, и они приближают нас друг к другу.

- Я впервые узнал, что такое сила природы здесь, - откровенно говорю я. - Я всегда думал, что человек обязан и в силах бороться с ветром, солнцем и чувствовать себя человеком, только побеждая их. Но отплыви в море на пятьдесят метров от берега, оглянись назад - и ты ощутишь страх, что не вернешься, что у тебя не хватит сил и выносливости.

- А иногда так заманчиво смирить свою волю, - подхватывает Люда, - и остановиться. Перестать барахтаться, следить, чтобы барахтанье было красивым. Устать от всего, от себя, от людей. Закрывать глаза и отдохнуть.

- Зачем же тогда жить, Люда? - тихо спрашиваю я.

Она с улыбкой смотрит на меня.

- А зачем движется море, а зачем этот огромный медведь, - она показывает на Аютдаг, - всю свою жизнь смотрит вдаль?

- Вы фаталистка, - привычным движением мысли приклеиваю ярлык я.

- Во что-то же нужно верить, - замечает она.

- Верить? Вы думаете, фатализм - это вера? Вера - это то, что поднимает, возвышает, - отвечаю я. - Да, все пройдет, несмотря на наши усилия дать вещам и душам бессмертие, и только здесь, на земле, в гармонии природы и непреложности судьбы можно найти свой, устойчивый интерес. Но, по-моему, нужна какая-то зацепка, идея, дело, которое было бы нужно.

- Нужно кому?

- Хотя бы двоим, хотя бы одному. То, о чем он или они будут постоянно думать. Везде и всюду. То, о чем напомним море, солнце и звезды, книги и другие люди.

- Пусть будет так, - соглашается она, - что же это может быть? Для вас например.

- Я не знаю, - признаюсь я, - только я уже давно ищу ответ на этот вопрос. Иногда думаю, что это любовь. Но от любви устаешь - слишком редко совпадают человеческие миры. Но даже если они не совпадут, то есть нечто, чему нельзя не поклоняться, - вечность. Не та банальная вечность, которая превращает в бессмыслицу человеческое существование. Само ощущение вечности, ее энергия, сильная не столько всепоглощением, сколько неизбежностью собственной гибели. Такой гибели, по сравнению с которой смерть человека ничто. Никакая вечность не вечна, и понимание этого приводит к страшным догадкам не о ненужности жизни, а о ненужности исчезновения. И тогда удивительно понятными и очищающими становятся разлуки, холод разрушающей душу осени, а затем и мертвой зимы. Любая грусть, предназначенная судьбой, превращается в осознание себя и бога, и так, по капельке, жизнь не уходит из

Соло

Роман Арсеньев

нас, а только начинает вливаться.

Она сидит и смотрит на море, убаюканная моим длинным рассуждением.

- Я не все поняла из того, что вы сказали, - говорит после паузы Люда. - Ваши слова подсказаны морем. Я чувствую их, как его, но, видимо, мне очень мало дано понять.

- Чувствовать почти что верить, - замечаю я и зову ее в воду...

Мы много смеялись, Люда рассказывала мне о новеллах Лоуренса. Ей казалось, что вокруг - Лоуренсовское солнце, что она сама своей родинкой на шее стала созвучна этому солнцу и когда-нибудь у нее будет ребенок, здоровый, счастливый и солнечный. Когда, устав, мы вышли на берег, я взял Людино полотенце, накинул его ей на плечи и решительно обнял ее. Я вытирал капельки с ее мокрого лица, дотрагиваясь губами до ее щеки и чувствуя, что щека солоня.

- Безграничная соль, - прошептал я.

- Безграничная грусть, - ответила она.

- Безграничная ты, - прошептал я.

- Безграничная я, - ответила она.

Мы засмеялись, но уже нехотя, боясь потерять нашу грусть, нашу нежность, боясь не услышать осторожное дыхание друг друга. Так дышит море, когда оно спит. Так дышит солнце, когда его нет.

Нужно было идти. Невдалеке показалась медсестра, проверяющая санаторные книжки, и мы тихо скрылись в направлении Гурзуфа.

В шесть Саша назначил встречу.

- Ты не ходи, пожалуйста, - попросила Люда. - Пусть он не видит нас вместе.

Я не возмутился. Я уже знал, что между ними нет ничего серьезного: просто симпатия, долгая дружба. Может быть, с его стороны... лучше не загадывать.

А утром Люда опоздала на наше купание. Я уже собирался пойти к тете Шуре узнавать, в чем дело, как увидел ее. По ней я понял, что она идет не купаться.

- Что случилось?

- Беда, - быстро проговорила Люда, - Саше хуже.

Она кинулась ко мне и вжалась в плечо.

- Все из-за меня, понимаешь. Ведь вчера он сказал, что любит меня. Если бы ты видел, чего это ему стоило. Он же совсем без сил, каждую минуту кашляет, задыхается.

- А ты? - я отстранил ее от себя и заглянул в большие светлые слезы.

- Я сказала ему про нас, - растерянно выдохнула Люда. - Он не поверил. Я не поняла, плакал он или смеялся. Он сказал, что в этой жизни все несправедливо: кто-то ждет годы и проигрывает, а кто-то приходит на день и забирает чужое счастье. А сейчас звонили из госпиталя: ночью его состояние резко ухудшилось. Его увезли в Симферополь. Я еду через час за ним.

Она увидела, что больше объяснять ничего не нужно. Я сел на камень. Он обжег меня холодом. Холод пронзал меня насквозь. Но камень теплел. Он привыкал ко мне, становился таким, как я. И я стал таким, как он.

Люда села ко мне и прижалась ко мне.

- Я должна ехать за ним. Я очень перед ним виновата...

Я поцеловал ее: «Пойдем в море».

Мы плыли долго, не зная, за кого бояться. Но она не отплывала от меня, и я понял, что бояться нужно за меня. Мы плыли, как я хотел, - по солнечной дорожке. Мы кричали, как могли, от ставшей холодной воды и плыли.

Медвежья голова, казалось, была уже совсем рядом, почти на уровне наших рук.

«Нам пора», - сказала Люда, и я послушно поплыл обратно. Мне хотелось сказать: «Я устал», - по-детски просто, по-детски обреченно, но я, как мог, напрягал свои руки, потому что моя жизнь принадлежала уже не мне.

Наконец, мы приплыли, оба выбившись из сил, но зная, что будет. Я медленно и тщательно стер воду с ее тела, Люда накинула платье. Я поцеловал ее голую руку в плечо и еле-еле притронулся к жестким соленым губам.

«Мне пора. Не ищи меня, ладно?» - шепнула Люда и пошла. Я глядел ей вслед. Ни она, ни я не надеялись вновь увидеть друг друга.

Назавтра я опять пришел на дачу Чехова. Я стоял у перил, украдкой разгрыз щетинистый плод платана и смотрел на волны внизу. Море жило своей жизнью, трехбалльные толщи воды бились о камень, отползали и снова бились.

А я думал, что, наверное, в очередной раз был не прав. Мне стали обидны Сашины слова о том, что он ждал Люду всю жизнь, а я захотел за один миг ее отобрать. Во-первых, никто никого не отбирал, а во-вторых, не я ли ждал ее всю жизнь, чтобы нелепо и вдруг потерять?

И ничто уже не казалось фатальным, когда я искал машину до Симферополя, пока меня не поймал ужасного вида водитель, вручивший белый когда-то комочек. Там жило маленькое существо:

«Я не могу без тебя. Люда».

*
 Усталый взгляд, расстегнутая пуговка.
 Запретно - белое блестит многосказательно.
 Ты удивительная девушка. Ты - луковка
 Кто раздевал тебя, тот плакал обязательно.
 Кто приходил к тебе, тот помнит ноги томные,
 Слова безумные, карманы опустевшие,
 Стихов восторженных талмуды многотомные
 И снова то, запретно-белое, блестящее.
 Пытаюсь в памяти вернуть те дни забытые,
 по не могу припомнить ничего конкретного.
 Лишь помню смутно твои контуры размытые,
 Да снова ту полоску белого запретного.
 И вот ты снова предо мной все так же грезово,
 С размытым контуром от дыма сигаретного.
 И та полоска мне сияет бело-розово,
 Но не секрет, что никому уж не запретная.

Ты - луковка

*
 Ты поцелуешь меня в ухо,
 а мне опять с тобой не в кипеш.
 Ты замечательная шлюха,
 Когда не слишком много выпьешь.
 А ты протягиваешь руки
 И гладишь мой прыщавый профиль.
 А я готов последней суке
 Подать в постель горячий кофе...

В С. Петербурге

Город тащит свой крест, словно его распинаят.
 Радуюсь, что здесь не довелось родиться.
 Город совсем иной, чем о нем вспоминают,
 Город вместе со мной вдруг начинает сердиться...
 Сердится смуглый мент с плоским лицом «не отсюда»,
 Пьяница в нужный момент не способен на чудо.
 Пьяница тем и хорош, что ни на что не способен,
 Пьяница тем и хорош, пьяница тем и особен.
 Сердится пьяница-мать раненного в Афгане,
 Кто-то ее толкнул, не попросив прощенья.
 Кофе сердитый бармен в граненом несет стакане,
 Клевому чуваку - клевое угощенье!
 В сущности клево жить никто запретить не вправе:
 С клевой клюкой кружить, клевые клюкать вина,
 Клевою хавку клевать, клевою половину дня в потолок плевать...
 В клевой круглой оправе крутые очки носить.
 Не обращая внимания ни на что, поносить
 Дочек и внучек блокадниц,
 Вина которых лишь в том,
 Что спустился туман, и я (обманул Ньютона...)
 ... падаю в облака. Ниц.
 Камушком лечу с Аничкиного моста. Я
 там в облаках хочу полностью растаять.

Соло

Антон Черный*Посвящение Ю.*

К утру сквозь сон я услышал:
 В углу захныкал телефон...
 Он плакал, звякал и молил
 Ослабить жаждущий рычаг...
 Он посылал гудки в ответ
 Кому-то, кто хотел со мной
 Сплестись струями языков,
 Надсадно охать и потеть...
 А я открыл свой правый глаз,
 Все так же лежа вдоль земли,
 И оставался так лежать,
 Пока он, всхлипнув, не замолк...
 Потом я встал, сходил в клозет,
 Почистил зубы, выпил чай,
 А мертвый телефон молчал
 В углу.

26 декабря 1999 г.

*

Грустный пустой холодильник
 Встретил меня на пороге,
 Дверцу раззявив приветно
 (Словно мы были знакомы),
 Он предложил мне раздеться,
 Дал мне потертые тапки
 И указал путь на кухню.
 Там угощал меня чаем,
 Съели по две печенюшки,
 Чай был простой – без заварки
 Сахара не было тоже
 Чай был ужасно холодным,
 Только что из морозилки.
 День напролет мы болтали,
 Солнце упало за город.
 Солнце погасло, но все же
 Мы продолжали беседу:
 Он знал все то, что я думал,
 Я знал лишь то, что я слышал.
 Хмурым октябрьским утром
 Мы с ним (друзьями) расстались,
 Я впрыгнул в теплые кеды,
 Молча пожал ручку дверцы
 И,
 Стараясь не хлопать,
 Затворил за собой дверь.

10 декабря 1999 г.

*

Взгляд на циферблат
 Я видел: минута сменяет минуту.
 И время течет, пластилиновое...
 Я видел: мосты через годы и гсды.
 И время течет, пластилиновое...
 Я видел: как стеки, копаются люди.
 И время течет пластилиновое...
 Я видел все это; и время течет, пла...
 И время течет, пластилиновое...

*20 декабря 1999 г.***Взгляд на циферблат*****Ходят воры****(Мистический лубок)*

Ходят воры по домам
 И крадут хозяев
 Через окна, через двери,
 Через щели избяные.
 На краю села курган:
 Их туда и тащат,
 Но негоже, человеку
 Видеть, что там с ними будет.
 Ты сиди себе в дому
 На дубовой лавке;
 Жди, когда они придут
 По твою душонку.
 Луч, без рук, без ног, ползет
 По твоей ладошке:
 Не запрешь его в сундук,
 Не запрешь в укладку,
 А придет пора – уйдет
 Хлопнувши калиткой,
 Красна девица сползет
 С голубой шубенки,
 И горохи звезд на небе,
 Черствый месяца калачик
 Над Москвой и Вологдой...
 Только крест тельной к тебе
 Повернется пузом,
 Только мягкая рука
 Бултыхнет с подушки,
 Да навалит сон, милей
 И отца, и матери, -
 Тут тебя и украдут воры
 расписные;
 В темной горнице конец
 Всему белу свету.
 Как потащат – ты молчи:
 Дай поспать соседям.
 Скоро их черед настанет,
 А пока что пусть кемарят.
 Ты-то знаешь: боль хитра –
 Скажется без языка.
 Как потащат, не бери
 Ни еды, ни водки,
 Ни ружья, ни колтуна,
 Ни дубовых валенок:
 Растеряешь все равно
 По дороге торной.
 Растеряешь все равно.

24 июля 1999г.

Соло

Антон Черный

Воссоздание

Ante factum

И сказал я: Да будет никотин!
И стал никотин.
И увидел я, что он хорош.
И улетел мой дым,
Мой побратим.
Скрип калош.
Хлеб наш, ветер наш нам даждь.
Солнца блесна.
И было хмуро.
И был дождь.
Завтра была весна...
(28-29.2.2000)
*

Взгляды людей - в горизонт.
Что это вокруг?
Быль? Или небыль?
Март.
Нужен зонт.
Кто первым поднимет глаза к небу?
Мои тротуары - как ванны.
Кругом - недовольство промокших спин.
И была слякоть.
И было странно.
День Один.
(1.3.2000)
*

Я, как и раньше,
Верю в весну.
Я - старовер.
Я, как и раньше, верю -
Проснусь.
Aller anfang ist schwer*.
Манит, манит обнаженная весна.
Капли оргазма в ментоловом воздухе.
В лужах уже почти
Не видна
Зима.
Смотри - первые сполохи!
УРРРА!!!
По голове БАБАХ сосулищей!
Крошится мой покров, который...
И были автобусы.
И была улица.
День Второй.
(2.3.2000)
*

Все, что за зиму налипло
На моем окне,
Солнце фотографией
Отражает на пол...
В пепельнице два окурка,

Там, на самом дне,
Занимаются любовью,
Испуская запах...
В пепельнице два окурка...
Так.
Обыкновенно.
Восемьдесят2
Года до ста...
Твои,
Мои,
Глухие места...
Нежные, сокровенные...
И было Солнце.
И окурки - как дети.
День Третий.
(3.3.2000)
*

Трехсложная надпись на стене:
Да,
Я помню это место...
Какая мерзкая частица
НЕ.
Давай заниматься веселым
Инцестом.
Весна принесла настроение,
Мимозы, насморк и
лысого черта...
И было во мне.
И было горение.
День Четвертый.
(4.3.2000)
*

Растаять, растрогать, разбить
на куски!
Тоски еще не хватало!
Выше подбородки!
Выше виски!
Выше томики стихов и журналы!
Замирание
Уличных
Лестничных
Клеток...
Календарной весне не нужно
разбега.
Полные клювы масличных веток:
Мы отсиделись в домах-ковчехах...
Незаметно пришло ощущение
РОДИНЫ:
Время, когда всем распятым,
Всем распутным
Дают
По весеннему ордену.
И было полнеба.
И была просто дата.
День Пятый.
(5.3.2000)

*
Солнце входит в меня,
впивается -
Жжется, но
входит,
течет
по жилам,
Плавит ресницы огненным
пальцем,
Тело выгорает,
Тело
Заныло.
Сладкая лучей стая -
Я таю.
ХОЧЕШЬ -
Накапаю огненной крови?
Грубо говоря, назовем это раем,
В плазме тела слов наловим,
Построим квартиры, города,
замки.
Все -
Из чистейшего кислорода
И теста.
И было Солнце в багетной рамке.
День Шестый.
(6.3.2000)
*

Снегопады - кукольные, сухие.
Хлопья - как гроздья репья.
Скоро сойдут с ума Все стихии:
Солнце,
Воздух,

Вода,
и Я.
Хватит изображать невинных
девственниц -
Станьте
Маргаритами - веселыми ведьма-
ми.
В оный день почил я от дел своих.
Весна понеслась.
День Седьмой.
(7.3.2000)
*

Post factum

.....
.....
.....
Автор пребывает
в сомнении относительно судьбы
последней девятой части цикла,
а посему заменил ее точками,
дабы указать читателю
на присутствие
оной.

*нем. - «Всякое начало тяжело»

Соло

Игорь Смирнов

Десять дней

одного потрясенного мира

(опыт схоластического стихосложения)

*Ведь не должно думать, что тварям
нет конца, как этого желают некоторые
потому что где нет конца, там нет и
никакого познания, и невозможно
никакое описание.*

Ориген. «0 началах».

*Весна! Ты выращена словом,
Которому душа тесна,
Зеленым, голубым, лиловым
Повсюду отображена.*

И. Северянин. «Слово безбрежное».

Вот и нашлось, куда тихо отплыть.

Ю. Арабов.

День первый - день девятый.

Было время, когда... А сегодня, в девятый день
Бог созидает без отдыха и упрека.
Небесным чинам явился лесной олень,
Утомленный фольклором страны Востока.
Некто зеленый свалился прямо с Луны,
Начал вести передачи на эмпирии.
Ему объяснили, что потуги его смешны,
Что никто не забыт и никто не о чем не жалеет.
Кроме того, никто не зовет, не плачет...
Зеленый с Луны стал белым, как яблонь дым,
И отклонялся, будучи озадачен
Тем, что казалось возвышенным и простым.
Небесная канцелярия продолжила переложение
Дореволюционных журналов на новый небесный лад.
Лесной олень оклемался и принял решение
Ни в какую сказку не прятать от жизни ребят.
После чего был назначен приказом тройки
Послом в Россию вместо Лиона Фейхтвангера, вот.
В девятый день Бог продолжает стройку
За счет бездомных собак, бомжей и прочих сирот.

День второй. Феерия.

Мама! Уже на стреле, под грузом
Непредставимы за облаками
Рушатся связи, рвутся узы,
Рвутся союзы, стираются грани.
Прощальным, песенным в четыре года
Только эхо вынесет пена.
Было - сладкое слово свобода,
Стало - горькое слово измена.
Еще один выстрел, патрон в обойме,
Крест на обочине... Шатко-валко...
Ледовый дворец потеплением пойман,
Проветрена комната-раздевалка.
Один лишь некий Третьяк в темноте
Как-бы стоит на неких вратах

Под стрелой, и мертвый эстет
Вытирает лучики на софитах,
Втирает в стекло световые блики,
В краску вгоняет бывшую гамму...
Двуликие - обязательно многолики
Или давно истлели, мама.
Некогда песням, негде живым.
Под стеарином, под салфетками
Спряталась истина. Нелюдим-
Ветер играть выходит редко
Сквозь конструкции сквозняками.
Слишком безветрено в этом мире!
Камень мхом обрастает, камень
Внутренним ухом слушает море.
Мама! Четырежды по четыре,
Потом еще несколько или много
Прибавится к вечности в этой квартире,
В этой комнате мертвого Бога, -
Никто никогда не спасет движенье.
Солнечный луч разобьет оковы.
Спрячутся тени и отраженья
В Зазеркалье душ бестолковых.

День третий. Молитва.

Хо, что случилось со мной?
Дедушка Хо, помоги вьетнамскому пионеру
Вожди уходят. В тиши ночной
Приходит Будда, приносит веру.
В джунглях тропический ливень,
дедушка Хо.
Кричат обезьяны, смолкают песни
про Ленина,
Меконг разлился, всплыл золотой дракон,
Спешащий пожрать партию и Вселенную
Это карма, дедушка Хо. Свой
пионерский значек
Я потерял в горном монастыре.
Ветер не утихает, крыша течет,
Выше рекордных отметок грязь во дворе.
Выпил рисовой водки, блевал голубым
и зеленым.

Скажи, неужели пробил мой час?
Где коммунизм возводящие миллионы?
Все отреклись, никто идею не спас
Нет никакой идеи. На твоём портрете
Плесень. Вечность объяла душу
В сумерках я провожаю день третий.
Великую Пустоту бестрепетно слушаю
Хо, что случилось со мной?
Что с моим домом? Сгнили сваи,
Дом унесен набежавшей волной
Вниз, где вся власть - военно-морская.

День четвертый. Плавание.

Я фактически стал рыболовом, ерши
Не исчезают в веках, признания ожидая.
От ухи не болит голова, в горле почти не першит
Втуне пропали капли датского государя.
Иногда мне снится, жестяные рыбы
Заводят песни и пляски внутри водоема.
Я улыбаюсь, а ноктюрн вы сыграть могли бы?

Соло

Игорь Смирнов

Рыбы смолкают скромно.
Они великие скромницы в четверг ерши
Знают законоуложения общепита.
Покайтесь, ибо приблизилась кастрюля! Грешит
Всякая, не ремонтирующая корыто.
Смилуйся, государыня жестяная рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась, гораздо
Пуще, чем при Пушкине. Где же твоя улыбка?
Отдай идиотке морское царство.
Пусть она правит бал и поет Кобзоном.
Пусть гремит косою в капусте ветхой.
Нам, рыболовам, и нашим жертвам резонно
Не иметь ключей от дивной феерии предков.
Ибо осторожность превыше власти и страсти.
Ибо вероятен исход до срока.
Ибо ершам точно также ломают кости,
Как лжепорокам и прочим свидетелям Рока.

День пятый. Буль-буль-буль.

Где же мой берег: камень, змея;
Путник, спешащий дорогой тревожной;
Радость чужая и совесть моя...
Знаешь, об этом петь невозможно.
Алая роза вином истечет.
Белая роза огнем испылает.
Кто-то затеет обратный отчет...
Знаешь, я думал - так не бывает.
Пенится холод на гребне волны.
Праздник всепетого метемпсихоза.
Веришь, мы издавна осуждены
На пребывание под наркозом.
Поздно. Ткачи осознали себя.
Всадник сыграл на трубе оловянной,
Невидадь звуком безумным губя.
Видишь ли, рушится вниз постоянно
Сотен миров первозданный поток.
Тонут вершащие путь Магеллана.
Где же мой берег? Я так одинок
В водовороте вещей океана,
Где замыкается ветренный круг,
Где прекращаются наши блуждания,
Где, наконец, познается недуг
Гибнущей славы твоей, мирозданье.

День шестой. Воздаяние.

Города, где ходил человек по фамилии Полдень,
Восклищая зорно, круша и ваяя стократ,
Погрузились во тьму. И Луны металлический орден
Стал наградой для тех, кто никак не вернется назад.
Неизбежность войны перепутала тропы и стопы.
Гимном вечной любви разразился ликующий кал.
Будет ласковый май после нас или после потопа.
Всех проводят к дверям и покажут, где спрятан
финал.
Ритуальные книги, веселью лица надежды.
Безмятежная юность, безбедная старость царей,
Затерявшихся среди неизбежно безбрежных
Переулков небесных Арбатов и райских морей.
Наши слуги запомнят различья в сверкающих
платьях.
Наши души разрушат расхожие домьслы о

Иссыхающих реках и вечно мелькающих братьях,
О краях, где кончаются творчество и ремесло
Этой ночью полетом откроется праздник затмения.
Об исходе поведают ржавые тени домов
Истончится и лопнет извечной тоски средостенье
Убежит из-под ног векового смятения покров.
И врезаюсь оставшимся в память прощанием
птичьим.

И пронзая безмолвную синь предпрестольной дыры,
И забыв о себе, и чужим упиваясь величием,
Мы покинем наш мир и сождем остальные миры.
То-то будет веселье над мертвыми и над живыми.
Обаяет бессильных нетварный разлившийся Свет.
Вострубят мамонты, обнимут козлов херувимы...
И никто, милый друг, не заметит, что нас уже нет.

День седьмой. Упокоение.

Липовая сказка, птицей лети, плыви беги.
Растворяйся в царской водке и цианидах.
Под крылом самолета зеленое море тайги,
Голубые реки и прочие виды.
Мы прозевали победу и поражение.
Скырлы-скырлы, - скрипит медвежья нога.
Пчелы памяти, векую вам ваше воображение?
Вместо нектара - снега, снега, и опять снега...
Шептали о хлебе, зрелищах, искали безмолвие;
Смотрели в небо, в землю; молились в Мекке;
Пытались различить сладострастие и суесловие;
Хотели видеть этого человека...
Ничего не вышло: пой, пляши, пиши, -
Парижскую Богородицу пожирают горгульи.
Иуда смердит поделкой на дне души,
Берет гармошку, выводит сладко: «Пойду ль я...»
Липовая сказка, мы просадили последний фант.
Гусли и сопелки утихли. Чего же боле?
После вознесенья разглядели траурный кант
Под ногтями, и заорали от боли.
Посылает проклятия каждый живот теперь
Тебе, липовая сказка, и твоему цветенью.
Всех поглотила вечная оттепель.
Свет стал рефлексом, рефлекс оказался тенью.
Выбраться невозможно из салюта.
Шаг влево, шаг вправо - побег. Расплата на месте
Сиди на троне, царствуй, прикармливай Брута.
Все по делам, по совести, честь по чести.
Боже мой, липовая сказка, счастливый случай,
Куда мне идти, откуда извлечь занозу?
Это не правда, что неведома участь
Тех, кто погиб, блаженствуя под наркозом.

День восьмой. Переполюх.

А где-то зима колдует. Мода на колдовство.
Любой ожидает весны, или наоборот
Пытается лето продлить, распяв свое естество
Между иголок дерева Сефирот.
Пчелы не кусают. Лошадь не понесет.
Нищета не спасает, ненависть не спасет.
Сытый доволен перстью. Голодный от жары
Экологически чистые видятся осетры.
Кем-то написан Ветер. Кто-то нашел алмаз,
Кому-то направлен вертел прямо не в бровь, а в глаз.

Игорь Смирнов

Бываты та небываты, о то закавырка, - но
 Кинщик давно погиб, показывая кино.
 Падают мертвый Чапаев, Рыба плывет со дна,
 Семнадцать мгновений рейха, чудовищная весна,
 Сказочный геноцид, поздний бросок на юг...
 Впрочем, это не важно. В зеркале милый друг
 Всех выходящих, придерживающихся манер;
 Всех отплывающих в Вечность и на пленэр.
 Ибо помнящий имя вряд ли знает число.
 Ибо огнем палимую веру не понесло.
 Можно любить Мавроди, можно бить-колотить;
 Можно плевать в колодец, можно воды испить;
 Можно крылья расправить, придать оперенью лоск...
 Можно, сняв крест, расплавить на сковородке воск.
 Помощник тебя научит, союзник отдаст концы,
 Партайгеноссе получит смарагдовые венцы,
 Ямщик пропоет баритоном,
     вымрет душа в степи...
 Станет первая капля последним звеном в цепи.
 Когда-нибудь, наконец, небо забудет снег
 Перенести за шиворот оголтелых сирот.
 Вылившись в переполох, время замедлит бег
 Между иголок дерева Сефирот.

Девятый день - день первый.
 Собравшим чемоданы дней
 От века откреститься нечем.
 Минуты сыплются, беспечно
 Теряясь между двух огней.
 Назавтра ветер будет юн.
 Он тучи черные развеет.
 Но что душе до тайных струн?
 Она простой продукт имеет
 У всех, кто едет за кордон
 И получил законный штемпель, -
 Есть утренний Армагедон...
 У остальных - Всемирный Дембель.
 Когда закончится война
 Бессмысленного поколения,
 Едва ли песни примиренья
 Достигнув памятного дна.
 Невозмутима тишина.
 Никто грозы в начале мая
 Не ждет. Заречная страна,
 Когда весна придет, - не знает.

Аркадий Поляков Моей души фиговые огоньки

ЗанудаЗануда

РЕКОМЕНДУЮ ПРОЧИТАТЬ

Андрей Смолин. «У каждого свой путь и берег».

Книга критики.

Я читаю первую фразу предисловия из этой книги: «Со стороны может показаться, что литературный процесс на Вологодчине не очень заметен для читателя».

Читаю ее еще раз, и тут до меня доходит некий смысл.

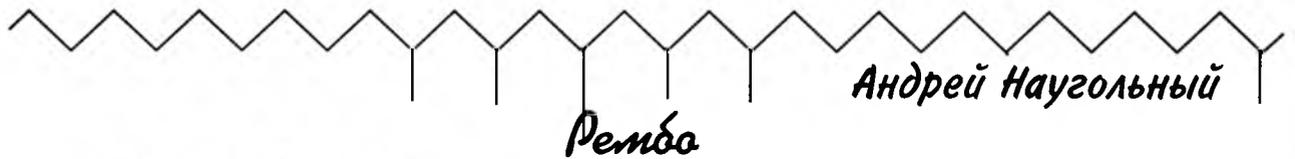
«Литературный процесс на Вологодчине не очень заметен для читателя». Действительно, литературный процесс - это появление новых произведений, которые доступны для чтения читателями. А здесь особый случай - литературный процесс есть, но он не очень заметен, для тех, кто за ним следит, читателей. Скажем прямо - в упор не видят. И верно сказано - процесс прячется и маскируется. Здесь нужно отметить, что книга характерна тем, что в ней рассматривается только тот процесс, который относится к Вологодской писательской организации.

Хорошо. Если все так, то это еще ничего не означает, потому что только лишь «может показаться». Причем только со стороны, где нет ни читателей, ни писателей.

У английских журналистов есть кредо - ничего не писать о том, чего не видел своими глазами. А если и видел, то не утверждать безапелляционно. Вот иной русский мужик шарахнул бы кулаком по столу и сказал: «Нет сейчас литературы на Вологодчине!» И заплакал. А Смолин пишет по-английски: «Со стороны может показаться, что литературный процесс на Вологодчине не очень заметен для читателя». Очень тонко. И вот об этом книга, рекомендую почитать.

Сергей Фаустов

Соло

1. Воздухоплавателью духа

“...От старого мира устал наконец.”

Аполлинер

...Вот он идет, долговязый строптивец, оборванный, грязный, вечно голодный, с потухшей трубкой, табак и тот кончился, с красными от холода руками, не руки-грабли, полное ничтожество, пустышка, авантюрист и покоритель этого мира...

...Поединок продолжается, тот еще сериал, кто кого?

Для Шарля Бодлера - Париж - сон, порожденный чудовищем, имя которому - мир. Для Поля Верлена - притон, пирушка и заварушка, для Рембо - Париж - это вызов, безнадежный мятеж, чудное пошло свободы...

Ты плясал ли когда-нибудь так, мой Париж?

Получал столько ран ножевых, мой Париж?

Ты валялся когда-нибудь так, мой Париж?

На парижских своих мостовых, мой Париж?

...Твои мостовые - о, надменный истукан, - заляпанные вином, кровью и испражнениями - его ристалище. В этом мире нет ничего, что было бы низким для его поэзии.

Города пожирают поэтов, влекут и пожирают. Даже Париж, особенно - Париж... Его город. Здесь он обрел самого себя, обрел крылья, из ерунды создающие музыку сфер, небесных и выше... Рембо - это крылья, только крылья...

Но город быстро устал от дерзости этого задаваки, и Рембо, отныне обреченный на одиночество, начал мстить... На баррикады, черт возьми!

...Эйнштейн саморазоблачения и саморазрушения, он превратил свою жизнь в развалины, в блистательный поединок, на который он вызвал самого Господа Бога, все остальные - не в счет! А что ему было делать? Тому, кто не понаслышке знает, что такое правда, очень трудно удержаться оттого, чтобы не бросить ее - как перчатку! - в лицо гогочущей черни (идеальный вариант), если нет, то хотя бы - первому встречному...

Первым встречным оказался Верлен. Бедный Лелиан, эта связь принесла ему одни мучения... Он и стал мучеником, сопровождая Рембо в его бесконечных скитаниях. Все вздор, главное - освободиться от пут... Любой ценой! Ему это было не дано. И он поднял руку на ангела, не сумев вынести ослепительного зияния его крыльев. Не дано, даже такому поэту... Рядом с Рембо он никто, жалкий побирушка, мечущийся между кабаком и церковью... жертва, отступник, возможно, единственный друг. Умирая, Рембо вспомнит о нем и прочтет - его стихи. Верлен, мужество и нежность...

...Отсутствие любви - это тоже дар, чудесная власяница...

Бедный Лелиан, куда ему до таких высот! А мальчишка был не подарок, и он отступил, признав свое поражение. Уж лучше в тюрьму, чем в пекло!

Рембо знал правду, и она его доконала. Он лишился иллюзий всевозможных - и бытовых, и метафизических, отверг надежду, стал аскетом, магом и ангелом, ясновидцем, презревшим свой удел... Да, да, по замысловатой траектории на самое дно... Сам, самое, самый - всегда на пределе, у последней черты, дальше - ад...

И «пора в ад» набрела на него, всего лишь - бездна, из которой уже не выбраться... Что это? Осквернение святынь или любовная песнь? Кто знает... Время его прошло, проще было с пространством: Шарлевиль - болото, Африка - ширма, за ее цветными узорами пустота... Париж, его душа, вот единственное поле битвы... Париж, все прочие местности - неудачная попытка спастись... Бегство от холода, сковавшего его жизнь... Но «пора в ад» - это вершина, лед вечности, где уже нет воздуха, а потому теперь только вниз, из города в город, из края в край, в темную котловину Адена, в раскаленные потроха африканского захоластья...

...Отсутствие жизни - это тоже жизнь, мнимая, нелепая, фантастическая, но жизнь, он сам вынес себе приговор...

А было ли преступление? Его слова: преступники - те же кастраты... Да, было. Он поставил под сомнение само существование этого мира, одержав сокрушительную победу, ничего, впрочем, не изменившую в его судьбе, растоптанную им, как цветок, в припадке ярости на загаженной мостовой, твоей мостовой - Париж, безмолвный свидетель и пронырливый соучастник. Ты растерзал его душу, сохранив крылья... Крылья и музыку, о которой так мечтал. Верлен, верный его оруженосец, возможно, единственный друг...

...Вот он идет, долговязый мальчуган, оборванный, грязный, вечно голодный, с потухшей трубкой, табак и тот кончился, с красными от холода руками, не руки-грабли, полное ничтожество, пустышка, авантюрист и покоритель этого мира... Возлюбленный брат мой...

Соло

Андрей Наугольный

2. Вдохновенная охота

(фрагмент рукописи, утраченной навсегда по вине фены Л. Верлена)

Я жду Бога, как гурман ждет лакомое блюдо.
Ведь я плебей испокон веков.

Жан Артур Рембо

Отчаяние вышвырнуло меня за дверь. Ну, что ж... Я был готов к этому, я готовился к этому всю свою жизнь, и вот теперь я боюсь, я стыжусь самого себя... проклятый прокаженный! Я вою и плачу в твоих девственных дебрях - о, моя постыдная, исковерканная жизнь. Но так просто я не сдамся, я хочу этой битвы, я ищу ее среди унылых, засыпанных по уши снегом равнин... В поход! В одной упряжке со всеми моими болячками и на всех парусах... Ах, как жаль, что меня нет... Цивилизация не принимает меня всерьез, ей бы только шутки шутить, этой сладостной потаскушке... А впрочем, я все прошу тебе, дешевка, дай мне лишь повод для ненависти, способной тебя испепелить...

...Поэт, священник, воин, что еще нужно человечеству, какого хрена! Кто ему нужен? ...банки, танки, склянки, где давно уже в едких ядах плесневеют сердца героев, а их надежды, их смешные детские надежды спят вечным сном, надежно упрятанные в замусоленные лопатники добропорядочной черни, черти и те плюются, их оставили без работы, какая жалость! О нет! Только не это! Упоительная резня... Поэта съела газета и прочий пипифакс, священник служит, он - зазывала у балагана, а воин стал походить на цепного пса, где есть цепь и есть будка, но вот хозяин куда-то вышел, и так надолго, что все забыли о его существовании. Все заняты только собой, выкармливая свою исключительность, а Он занят всеми, как же ему должно быть скучно там, одному... О нет! Так просто пропасть, уже зависнув над пропастью - и вдруг опять в эти липкие лапы, в цепкие лапы жуткого сброда... Менялы, ростовщики, тупоумные скряги распроданных горизонтов... Ландскнехты цивилизации... Их девиз: все на продажу! Злобное завывание гнусавых глоток, а ладошки потеют и сердца стучат, как барабаны людоедского племени... Алчно, весело... Каторга собственного благополучия! лучший соблазн нашего времени... ручной век, век онанистов... Прочь! В поход! Под адскую музыку канонад...

12.12.99

ЗанудаЗанудаЗануда

Окончание. Начало на стр. 5

манифест (Шукурова), а также слезоципательное письмо дочки шахтера (Ули Потемкиной), которой есть нечего. В последствии выяснилось, что это самый что ни на есть розыгрыш - Ульяна Потемкина - девочка из очень интеллигентной и далеко не бедной семьи. Нерв конкурса проходил, по словам А. Наугольного, через 23 комнату, где поэту из Вожеги С. Богданову удалось пропить тысячу рублей за два дня.

Члены вологодской группы получили кое-какие дипломы и хороший шок. Публикация о Костромской акции прошла в ноябре 1999 в «Литературной России», а также в «Литературных известиях» СРП № 2.

СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ

Акция «Культурный герой XXI века», которая прошла осенью 1999 по всей стране, задела и Вологду. Господин Орлицкий, который присутствовал на смотре вологодских литературных талантов в Доме актера, обещал полную демократию и поддержку в случае, ежели господа поэты принесут ему побольше бесплатных рукописей и книг. Соответственные обещания давали в московской Галерее Гельмана и организатору

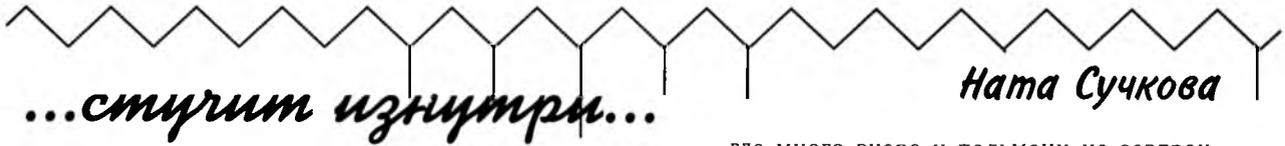
акции И. Горожановой. Поэтому литературный вечер закончился для многих не рюмочкой в уютном баре Дома актера, а бегом по пересеченной местности сквозь метель. Однако Вологда на заключительный тур в Москву допущена не была. То ли талантов у провинциалов мало, то ли желания - у москвичей. Для отчета у организаторов есть книга «Культурный герой XXI века», куда попали вологжане: литераторы Я. Авербух, Н. Сучнова, А. Наугольный, актер А. Шерстнев, фотограф Е. Иванов, художник С. Лаврентьев. Издание тиражом 7 тысяч экземпляров оплачено господином С. Кириенко и существует в виде портретов и острых оригинальных фраз о культуре будущего века. А собранные с таким трудом рукописи и книги (у некоторых последний экземпляр) ходят по литинститу... Столица-с.

Тамара Сизова

Евгений Шиперов «Шипилки»

Соло

...стучит изнутри...

Ната Сучкова

Оступиться в безликую бездну толпы
 Остудить о холодную землю ступни
 Я споткнусь о подставленный кем-то костыль
 Я запнусь о безжалостный выкрик - "распни!"
 В нашей бездне уездной все чаще снега
 У меня за спиной двадцать три зимы
 У меня ничего своего пока
 Ничего кроме теплого слова "мы"
 Но оно не греет меня, увы,
 Говоримое лишь украдкой,
 У меня за спиной двадцать три зимы
 И одна внутри - необъятная

*

Что там стучит изнутри замуровано в
 банке консервной?
 Может ей все-таки хочется жить этой
 кильке в томате?
 Вечер был томный, иные уже на кровати
 Под одеялами и за чертой артобстрела.
 Вот подходящее место для нашей
 неправильной тайны.
 Многие, знаешь, не пишут, они тем
 не менее в порядке,
 Есть подходящее слово души,
 уходящей на блядки,
 Есть оправданье всему, лишь баллистике
 нет оправдания.
 Помнишь, когда собирались - не торопясь,
 точно за три квартала,
 Ты говорил, что война - коробочка с анашою,
 Ты говорил - хороша анаша и что-то еще смешное
 «Пули дерьмо, - говорил, - в стране
 не хватает металла»
 Поезд уходит - играй в бесконечные двадцать!
 Можно и дальше колоться, на рельсы мочиться.
 Спасатели килек! Какой же ты все же мальчишка!
 Какой же ты все-таки маленький, если придраться.

*

Я знаю меня не найти в этом крошеве,
 крошечным дождем на мой город наброшенным,
 которым дежурные бездны заполнены,
 и крыши стекают цветными попонами
 слоновьих домов, и где кажется порванным
 и так уж не слишком-то складное прошлое,
 и не с кем найтись и зажить по-хорошему
 когда-то, и город дымит запорожами,
 и город умеет лишь ставить мне факи,
 и много линованной белой бумаги,
 которой здесь трут разопревшие сраки
 пустые зеваки, и снова затишье,
 на белой бумаге стихов не напишут:
 возможно - на этой корявой уборной,
 возможно - на крышах, что сняли попоны
 и так перелетно порывисто дышат -
 им слишком земно, им так хочется выше,
 и солнце смешливый убористый рикша
 напишет убогое слово "до завтра",

где много вчера и пельмени на завтрак,
 и горы бумаги неписаной брошены,
 затем чтоб меня не найти в этом крошеве.
 *

В фрамуги сеть
 Я рвался петь.
 Но каждый раз я глож, как старый грюндик,
 Упавший с седьмого на пьянке сто лет назад -
 Я поднимал глаза:
 Весь мир на блюде -
 (а на часах)
 Не умирай, мой старый грюндик,
 (всего лишь три)
 Живи!
 Но снова но
 Кричать в окно,
 Мол, я не прав, но вы простите люди,
 Грешно болтаться в ваших неземных мирах.
 Ударом в дых и в пах!
 (зима как пудинг)
 Увы и ах!
 (хрипит, но все-таки он крутит
 мир словно фильм).
 Аминь?
 Сопит мафон
 Бездомным псом,
 Сифонит грудью и крутится - горяч.
 А ночь-дуреха долговяза,
 И в ней по задницу увязли
 (забавный мячик)
 Не по разу
 (прошу тебя, держись, мой мальчик,
 На трех китах)
 Вот так.

*

И кажется мне: вот - легко и просто
 На цыпочки привстать и стать по росту,
 Рассыпаться стучащим гулко просом
 По скатерти линованной листа.
 И мир на самом деле только остов,
 Приколотый к подрамнику вопросом,
 И можно, зацепившись за апостроф,
 Пред остовом как вкопанному встать.
 И в межреберье загнанное время
 Увидеть, опуститься на колени,
 Не понимая жить и не умея,
 Уставиться в безвольные глаза.
 В индийской двухсерийной черной точке
 Увидеть все без страсти и обочин,
 Без поцелуев, слез и зуботочин,
 И, ужаснувшись, отойти назад:
 На переносицу одетые глаза
 В бесстыжей рамке этого лица
 В овале серо-голубом с торца
 Направленного в темень
 Показывают время без конца
 Показывают время до конца
 Показывают время праотца
 мое показывают время.

Соло

Ната Сучкова

Зануда

ГРЕМУЧИЙ КОКТЕЙЛЬ

Поистине гремучая смесь отличает подборку новых стихов Наты Сучковой. Ей удалось соединить несоединимое. Павел Тимофеев: «Она тонкое культурное существо, но допускает намеренно грубые слова. Поэтому нет слащавости, есть разговорная естественная речь, это подкупает». К известным, привычным «рачков кашкам» в «Морской болезни» прибавились перлы «раненый крик изумления глаз-пиночетов»(?) и нечто от «души, уходящей на блядки». Лирический герой вынужден обзывать пули дерьмом и мочиться на рельсы. Нет ничего удивительного, что в его городе кругом «разопревшие сраки» и ставятся факи, впрочем, мы и так «по задницу завязали». Поистине такие фразы «бьют ударом в дых и в пах», особенно если учесть настоящие находки: «у меня спиной 28 зимы и одна внутри - необъятная», «рассыпаться стучащим гулко просом по скатерти линованной листа».

Всякого рода мораль бесполезна. Идут, правда, слухи о какой-то новой прозе Сучковой, но где она, эта новая проза?

ЗАПИСКИ НА ЛИФЧИКЕ?

Чуть ли не «Записками на лифчике» окрестили в газете «Коммерсант» от 17 марта 2008 г. совещание в Переделькинском Доме творчества под названием «ЖЕНЩИНЫ И СММ». Ничего не стоило фотокорреспонденту щелкнуть Раису Белоусову, достающую идущий нарасхват 2-томник из багажника личной «Мазды» - как ничего не стоило упомянуть известного вологодского писателя - чтоб погорячее. Но кроме этих знаковых моментов было три дня важной работы: читались доклады по гендерным и культурологическим вопросам, шел обмен мнениями по свободе печати и творчества, выступали писательницы из 30 регионов России, журналистки, представители спонсирующих фондов Сороса, Форда, Маккартуров. Два человека, которые всех удивили - философ и культуролог Георгий Гачев необычной лекцией на тему «Русского зрса» и писательница Людмила Петрушевская занятием по психодраме. Вечерами - культурная программа. «Мазда», кстати, стояла около дачи Пастернака - такие визиты запоминаются на всю жизнь. Более объективно это совещание подано в «Книжном обозрении» № 13. Вологодская печать вообще об этом факте скромно умалчивает. Зачем феминизм разводить? Нет у нас ничего подобного, и быть не может.

Тамара Сизова

Евгений Шупров «Debarka и клоун»

*

Речь о траве. Еще о том, как ищут, ощерившись и расходясь кругами, то удаляясь, то бредя к жилищам, о смысле речи нелюбимых женщин, которые в жилищах заправляют. Речь о траве. Сиреневых прожилках татуировок сквозь ее ладони, о том, что можно много лет кружится, о том, что можно тысячи ошибок, речь о траве, коль ты еще не понял. Речь о тебе, как о траве и заперт Твой путь туда, где нет тебя отныне, Коль ты таков, каким себя ты принял, Речь о дымке от преющей полыни, Которая и есть теперь тебе твой запах.

*

Когда ты уходишь, во мне начинается осень - Топленное масло листья площадей и проспектов, Закатное сердце, и кажется не было вовсе, Лишь раненный крик изумления глаз-пиночетов. Когда ты уходишь, со мной приключается старость - Безденежье, склоки, простуды, морозы, просвиры. Когда ты уходишь, то кажется что-то осталось Комком горловым между воем замершим и миром. Улавшее навзничь, оно голосит и бунтует, Запястьями сжато стекает горячим по пальцам. Когда ты уходишь, во мне поднимается буря, К тебе наклоняясь лишь шепотом легким: «Останься»...

Не переводит взор

Обнимать девушку на фоне грозы - непередаваемо, но нет-нет, да и вздрогнешь от молнии через весь экран. Да еще по такой гигантской диагонали. Тебя заливают теплом, веки смыкают медом, а он как грохнет. Или, наоборот, звук поцелуя выйдет бесстыдно громким в тот момент, когда в колонках только дождик шелестит. И что самое любопытное - внешне компик помогал соблюдать дипломатию, он был союзником.

- Мм? - оборачивался на шумного хранителя Зимин - не очень ориентируясь в пространстве.

И шел его заменить. Но тут родители приходят. А у экрана светская беседа, какую-нибудь психушку строят молодые люди при всеобщем хохоте или по пещерам бегают, отстрел монстров ведут. А не шумел - хакер. Он беззвучно ставил таблички, заставлял работать дворником или приглашал в ФБР. Стоило при полной победе отвернуться на пять минут и ты получал втык. Только что ты был крутой, имел регалии и вдруг у тебя инфаркт, полный упадок. Все сначала. Ящик, который ты сделал сам, своими руками, начинал заноситься учить своего создателя. А Зимин любил парадоксы. Все эти квейки, квесты, стратегии, авто- и авиасимуляторы, - все это было не общение с миром, а всего лишь его модель. Модель для чайников, которые не ориентируются. А если настоящему...

Серьезно Зимин мог посидеть у компа только ночью, когда плата за сеть была минимальной. Ему приходил не один десяток писем и он молниеносно на них отвечал. Прямой выгоды если и не было, зато можно было гордо реять в пространстве. Зимин ценил машину за это, за свободу. И шифр выбрал - бурев, от слова Буревестник.

В тот раз молчаливая Фая Нудьга пришла рано и долго не могла найти себе места. Она шелестела по комнате, перебирала что-то в шкафу. То ли сказать что хотела, то ли съела чего.

- Мм? - спрашивал Зимин, цокотя клавиатурой, шаря по директориям. Файл подкачки был уже маловат. Перелить, что-ли, систему? Тормозит система...

- Дда... - тормозила Фая Нудьга. Ее файл подкачки сходил на нет. Она не то чтобы бы не любила компик. В данный момент ей даже выгодно было. Ведь она не любила причинять боль. Она просто думала - вот, все кончилось. Она - часть системы. Систему можно перелить, хранителя экрана переставить, да и она тоже не стена. А у нее, может, мысли.

Фиалковые очи Фаи смотрели через заросли волос. У Зимина не вовремя систему заколодило.

- Энтишку поставлю и выключу, - бормотал он, - керосинка такая! Ну же...

Энтишка не вписывалась. Изумленный Зимин, добравший на днях неплохой объем памяти, не ожидал, что машина эту память никак не увидела. Повелитель, привыкший к мгновенной покорности, был

Виртуозная виртуальность

Галина Щекина

покоробен простым замедлением. И хлопнул в сердцах по клавиатуре.

- Если бы тебя так... - намекнула Нудьга, да и фамилия же у нее не приведи господи.

- Клава сдохла? - удивился Зимин.

- Кто такая-то?

- Да уж не женщина. Писюк сказал, что клавиатуры больше нет.

Нудьга вздохнула. Она понимала, что дело не в "Клаве".

- Ты, Юпитер, сердисься, вот все и выключается. Ты скажи ласково. Скажи - уважаю, даже когда молчишь.

Это Нудьга намекала на себя. Но Зимин, ощущавший себя царем, являлся в данный момент лишь придатком компьютера.

- Вот ты и скажи, - пожал он плечом, - я в такое не верю. Он не человек.

- Как нет-то? Он просто потемнел от тебя, Юпитер. Скажи ему... - Нудьга снизила голос. - Господин Великий Пентиум. Мы тебя уважаем. Включи всю свою память. Пожалуйста, помоги нам, да помогут тебе и небо, и высший разум...

Зимину стало смешно. Он включил перезапуск и огоньки на дисплее замигали, поехали, побежали.

- Ты серьезно? - это он ей, не экрану.

- Более чем. Ты сегодня опять сердитый, я не могу, я пойду лучше.

- Что как ребенок! Закончу и все будет изумительно.

- Не будет, - шелестела Фая Нудьга, - у меня нет кнопки перезапуск...

- А ты уступи мне.

- А ты мне...

Она ходила неслышно туда, сюда, прилегала головой к косяку, к стене, так и этак плечи не помещались, плоско не складывались на стене, что-то ее томило, не отпускало. У нее чего-то был излишек, но девать это было некуда.

- Что летаешь, как моль? Подожди чуток. Воскресенье еще будет наше...

Летанье прекратилось, все затихло. Зимин полетел вглубь мироздания, не дожидаясь ночи. Ушла ну и ладно. Тоже мне загадка. "Господин Великий Пентиум". "Высший разум." Разговорилась. Молчаливая скво, она должна сидеть и ждать.

Попалась старая летняя картинка в фотошопе. Зимин с братом и Нудьгой в летнем кафе "Панорама". Столики, пиво. Зимины смотрели в объектив, а эта сиреневая фея куда-то вбок, как будто чужая. Зимин вспомнил, как фотограф просил ее оглянуться, так нет... Да мы это мигом подредактируем, подумаешь. Так, так - еще здесь... Что такое? Фая теперь смотрела прямо, но лицо ее стало неживым. У Зимина засосало внутри. Ведь испортил снимок, лопух, а оригинал остался у нее. Все было здесь - джинсовая панамка, сарафан, шашлык в руке, подбородок с высоко расположенным ртом, прямо где-то под носом, но глаз не было, значит, и ничего не стало. Губы побелели. Треугольное личико погасло. Да ерун-

Ожерелье цербера

Роман Арсеньев

«Нежнейшая пытка»

Наталия Сучковой.

или Возвращение в модернизм

Главный вопрос, волнующий, пожалуй, всех писателей сознательно или подсознательно: «Как долго будут жить его произведения?» Очевидны два варианта продолжения существования художественного текста: либо он становится классическим, актуальным и через столетие, либо растворяется во времени, интересуя потомков лишь как знак той эпохи, как экспонат музея в ряду тысяч таких же. Определить сразу судьбу только что написанного невозможно. Существует множество примеров, когда произведение, популярное сегодня, позже легко забывалось. И наоборот — когда странное и непонятное творчество оценивалось затем потомками как значимая духовная ценность.

На наш взгляд, современная литература постмодернизма не в силах стать потенциальной классикой. Она возникла как реакция на соцреализм, стремясь уничтожить нелицеприятное прошлое. Таким образом она уничтожит и самое себя. Отрицая, насмехаясь, постмодернизм не предлагает конструктивного выхода для современного общества. Сама деструктивность, поставленная как идея творчества, подразумевает изначально непродуктивность данного явления. Если русский футуризм, эпатируя публику декларативным отрицанием всего, что было до него, предложил взамен Маяковского и Хлебникова, то русский постмодернизм, судя по его мировоззренческим установкам, даже и не стремится что-то предложить. Современная литература насквозь конъюнктурна и снисходит до реципиента, тогда как классическая традиция предусматривает противостояние обществу и возвышение читателя на качественно новый духовный уровень. Как следствие, сегодня в низком и криминальном социуме возникает низкая и зачастую криминальная масс-культура, вторичная по материалу и свободная от эстетики в собственном смысле этого слова. Что бы ни говорили о появлении эстетики «особого рода», под ней мы всегда будем понимать объективно прекрасное, но никак не «кайф» наркомана и не виртуозность специалиста по бранным выражениям.

Эстетика, а с ней и необходимое чувство меры и художественный вкус, — вот, на наш взгляд, основная проблема литературы любого периода. Но, как только мы сталкиваемся с этими параметрами в современном тексте, почему-то появляется ясное ощущение, что перед нами уже не постмодернизм.

Данная работа посвящена двум проблемам, указанным выше: проблеме эстетики и проблеме творческого метода в нашей сегодняшней литературе. Написание статьи стало возможно благодаря появлению в 1997 году поэтической книги Наталии Сучковой «Нежнейшая пытка». Эта книга не только дала повод для оформления наших размышлений, но стала прекрасным образцом для их практического применения. Поэтому главной целью данной работы нам представляется прежде

всего характеристика идейно-тематического своеобразия художественного мира Наталии Сучковой, определение особенностей ее поэтики и творческого метода. Поэзия Сучковой будет интересовать нас также в контексте обозначенных выше проблем.

Стихи из поэтической книги «Нежнейшая пытка» непонятны с первого прочтения. Причина заключается в том, что поэзия Сучковой — поэзия интуитивно и ассоциативно сцепленных образов. Выявить логику их размещения чрезвычайно трудно. Это индивидуальная, даже эгоцентрическая логика. Лирической героине хочется разобраться только в себе:

Кто меня научит быть сразу новой
Кто меня научит хоть как-то быть?!

(«Молодильные яблочки молодые...»)

Большинство стихотворений написано от первого лица. Весь мир, его реальная и нереальная части, представлен читателю через призму чувств автора, он даже подчинен им. Отсюда можно вывести первую черту творчества Сучковой — откровенный субъективизм. Субъективизм как художественный принцип предполагает приоритет личности автора при решении любых творческих задач. Во главу угла ставится взгляд писателя на окружающий мир, а не сама объективная реальность. Художник интересен читателю качеством этого взгляда, его своеобразием.

Стихи Сучковой привлекают нас своей исповедальностью. Это то, что делает ее поэзию понятной простому слушателю или читателю вопреки логической усложненности. Душа лирической героини Сучковой всегда обнажена и открывает в себе самые отдаленные уголки, вплоть до подсознательных инстинктов и порывов:

Чего тебе хочется, помнится?

Чего не знаю, но чувствую — очень

(«Ой ли, шальная вольница...»)

Лирическая героиня не всегда знает, не всегда понимает — основным способом ее самоопределения в мире является чувствование, которое дает возможность и для знания, и для понимания.

Но чувствование в отличие от рефлексии всегда направлено на объект. Поэтому важным элементом лирического сюжета в стихах Сучковой является диалог либо обращение к кому-то извне:

Научите меня

я почти понимаю по-польски
близне одеял

и наивности книг о Тарзане
(«Забинтуйте мне голову...»)

или

Ты знаешь: так легко

Быть маленьким сонетом...

(«Я маленький сонет...» из цикла «Гость»)

Так появляется дополнительный персонаж, имплицитно или эксплицитно выраженный, помогающий лирической героине понять себя, — зеркало, в котором она изучает свой облик, свою ауру. Это могут быть «любимый человек» («Береги ты ее от цыганок...»), «галчонок» («Тише, тише, мой галчонок...»), «божья коровка» («Божья коровка») и др. Именно через общение

Ожерелье цербера

Роман Арсеньев

этим, иногда лишь функционально существующим, но всегда одухотворенным предметом лирическая героиня видит свою сущность, только с ним она по-настоящему искренна. Их уровень взаимопроникновения доходит до того, что они понимают друг друга с полуслова:

Он уже умер, полно,
Сохнет разбитой скворечней
-Я его так... - Я помню.
-Я без него... - Конечно.
(«Похороны рояля»)

Именно это взаимопонимание, эта душевная близость и привлекают нас в художественном мире Сучковой. Читатель видит то, чего ему недостает в реальной действительности, и, прикасаясь к истинным чувствам, хочет встретить их и в своей жизни.

Но, как ни печально, в объективном мире больше разобщенности. И лирическая героиня Натальи Сучковой понимает это. В стихах несколько раз встречается фраза «Мне плохо». Лирической героине (здесь ее уже трудно отделить от автора) «плохо» от отсутствия понимания между людьми или, что не имеет большого отличия, между людьми в реальном мире.

Как много людей! Ну зачем эти люди?
Их говор как флейта — чудной и невнятной
(«Как много людей! Ну зачем эти люди?»)

В связи с этим в творчестве поэтессы настойчиво звучит мотив поиска духовного братства. А пока только:

Нет никого у меня роднее,
Божья коровка, лети на небо
(«Божья коровка»)

Где искать успокоение? Конечно же, в мире, созданном самим художником при помощи своего искусства. Лирическая героиня Сучковой понимает, что она существует в другой реальности:

Картонною нижней губой птица Феникс
В объятиях держит мое мирозданье,
Я знаю метаний божественных прелесть
Не хуже убожества этих изданий,
Где нас заполняли обоями литер,
Где нас выводили в потом и постскриптум,
И хочется, хочется крикнуть: «не врите!»...
(«Картонною нижней губой птица Феникс...»)

Придуманная ею реальность обладает важными качествами, которые не присущи миру остальных людей. Это искренность чувства и «естественность», непосредственность восприятия окружающей действительности, которые реализуются через два ведущих мотива: мотив детства и мотив игры. Действительно, что может быть прекраснее пребывания в мире детства, игнорирования взрослых забот и предрассудков. Здесь все отношения чисты и искренны, а творческое начало человека свободно от каких бы то ни было ограничений, оно определяется лишь условиями игры. И действительно, в поэзии Сучковой мы встречаем стихотворения, в основу которых положена игровая ситуация: «Мы играли тогда в солдатиков...», «Похороны рояля». Ее элементы видны в стихотворениях «Шаром пепельным, небом Небраски...», «Колдуй бабка, колдуй дед...», «Божья коровка» и др. В поэтике эти мотивы выражаются через уменьшительно-ласкательные суффиксы и особую фра-

зеологию («понарошку», «колдуй бабка», «гори-гори ясно»).

Но в основе детской игры лежит все-таки отражение каких-то взрослых отношений. В поэзии Сучковой они врываются в придуманный мир, нарушая его спокойствие и беззаботность. У игр в стихотворениях поэтессы всегда трагическая концовка: необъяснимая смерть персонажа в «Мы играли тогда в солдатиков...», состояние безысходности в «Похороны рояля» и в «Божья коровка».

Таково, на наш взгляд, идейно-тематическое своеобразие поэзии Натальи Сучковой.

Вопросы формы произведения, очевидно, не так волнуют поэтессу, как его проблематика. Сучкова редко жестко ограничивает себя размером. Она предпочитает дольник: из 70 стихотворений им написаны 28. Соотношение двусложных и трехсложных размеров следующее: 15 к 18 (10 — хорей, 5 — ямб, 4 — дактиль, 6 — амфибрахий, 4 — анапест, 4 — различные чередования). 9 текстов целесообразнее отнести к акцентному стиху. Не всегда размеры выдержаны: чередования могут быть бессистемными («А над обрывом...» из цикла «Наискосок»), часто добавляется лишний безударный слог, что доводит количество слабых мест до трех («Где-то в коридоре больничном...») и таким образом создается иллюзия четырехсложника. Подобный эксперимент с раз-

Ожерелье цербера

Роман Арсеньев

мером был свойственен футуристам (например И. Северянину), дольник же любили А. Ахматова и М. Цветаева. Так или иначе, Сучкову привлекают необычные ритмы, а выбор метра обусловлен тем, насколько свободно поэтесса может выразить через него свое «я».

Так же обстоит дело и с рифмой. Наряду с точной, богатой и даже глубокой рифмой (например «песке — виске») встречаются такие, где созвучны лишь гласные («колени — делит», «голову — стороны»). Нет оснований полагать, что поэтесса не владеет техникой: перед нами обычная тенденция 20 века — уход от классических параметров, мешающих творческой свободе автора.

Для Сучковой характерна еще одна черта поэтики модернизма — тенденция к циклизации. Автор стремится объединить несколько текстов в некий блок, становящийся целостным и законченным произведением, причем стихотворение, «вынутое» из цикла, теряет часть общей смысловой нагрузки. В книге «Нежнейшая пытка» — пять циклов: «Жизнь с Мариной», «Витражи», «Гости», «Мертвое море», «Наискосок», — каждый из которых представляет собой мини-поэму, разбитую на главы-стихотворения.

Отметим и афористичность концовок в некоторых текстах Сучковой. Это явление литературовед Б. Эйхенбаум в своей работе о Лермонтове обозначил французским термином *la pointe*. Примеры *la pointe* у Сучковой:

Так о чем говорить, если не о чем даже молчать?
(«Не шепчите слова...»)

или:

Те, кто будут завтра, будут одиноки
И несчастны тем, что были после нас
(«Те, кто будут завтра — будут гордецами...»)

или:

Что ты за клоун, раз нос не наклеен?
Что ты за солнце, раз в общем вагоне?
(«Тоска»)

или:

...один осенний танец
Не совсем еще любовь.
(«На асфальтовой равнине...»)

или:

О, как похожи любимые наши
На всех не наших, но тоже любимых
(«Любимый пахнет меновазином...»)

Это те строки, которые запоминаются, которые вдруг всплывают в памяти в соответствующий момент. А вот начальные фразы стихотворений Сучковой не так сильны. словно мы застаем лирическую героиню на середине ее раздумий или диалога с кем-то и дослушиваем все до конца, до заключительного вывода.

Закончив рассуждение о проблеме формы в поэзии Сучковой, мы наконец приходим к вопросу о ее творческом методе. Субъективизм, иррационализм, конструирование идеального мира через художественное переосмысление мира реального, циклизация и эксперимент с формой — все свидетельствует о том, что перед нами модернизм. Но модернизм уже другого уровня — синтетический модернизм конца 20 века: инту-

итивный и ассоциативный методы при сцеплении образов пришли сюда из русского имажинизма и французского сюрреализма, внимание к предметному миру — из акмеизма А. Ахматовой, сила выражения чувства — из экспрессионизма и творчества М. Цветаевой, элементы эксперимента — из футуризма. В. Маяковский, Ж. Превьер, Б. Ахмадулина — сколько еще имен можно назвать, увидев их отголоски в поэзии Натальи Сучковой. И это свидетельствует не о вторичности, а о самобытности. Перед нами уже не компиляция, но новый художественный феномен.

И еще о двух чертах модернизма мы сознательно не говорили. Это тенденция к мифотворчеству и эстетизм. Можно ли сказать, что поэтический мир Натальи Сучковой претендует на то, чтобы стать мифом? Пока еще нет: слишком слаб символический аспект, и тоска по трансцендентному ограничена субъективными устремлениями. Мифотворчество предусматривает определенный космополитизм, оно интересуется общечеловеческими проблемами, предлагая свою систему мироздания.

Эстетизм как концентрация внимания художника лишь на объективно прекрасном, безусловно, не может существовать сегодня в том виде, в каком он существовал в серебряном веке. Мы вправе говорить только о важности определенных эстетических установок, если таковые вообще имеются. Поиск художественной меры — важная черта творчества Сучковой, отличающая его от литературы постмодернизма. Ведь искренность чувства часто требует искренности словесного выражения, и поэтесса вынуждена находить контекст, позволяющий оправдать употребление просторечных слов. Например:

Божья коровка, лети на небо
Не делай мне больно, оставь в покое
Божья коровка, конечно, я стерва
Базарная девка, ну кто же спорит
(«Божья коровка»)

Сучкова сочетает несочетаемое, и это выглядит гармонично, усиливая нужное впечатление. Поэтесса возвышает конкретику, предметность за счет соседства двух разномасштабных образов:

Любимому плохо — большая шея
Любимый грустный, большой и зимний
(«Любимый пахнет меновазином...»)

Использование этих приемов и забота об одухотворенности образа, когда высокое превалирует над материальным, говорят об эстетическом чутье Сучковой. Ее стихи возвышают читателя своим напряженным звучанием, правдивостью чувства, трагичностью мироощущения и красотой мира, который вновь возращает нас в детство. За всем этим чувствуется новая тенденция в литературе, противостоящая постмодернизму и реализующая неиспользованные ресурсы модернизма, — тенденция конструктивного синтеза. На наш взгляд, поэзия Сучковой потенциально способна стать классикой. Возможно, для этого будет нужно повысить читабельность текстов: прийти к ясности и простоте выражения при том же внутреннем напряжении. Другое направление для работы — совершенствование формы: ведь виртуозная техника, не мешающая течению мысли, есть вершина поэтического мастерства.

Ожерелье цербера

Талина Щекина

Взасос SOS

заметки о лирических откровениях
Вада Сми

Основная тема нескольких стихотворных циклов Вада - любовный плач, бесконечное прощание.

"Верни свою любовь, я без нее жить больше не могу - душа горит
Твой голос мертвый холодит нутро
а сердце все отчаянней стучит...
верни любовь, я без нее загнусь..."
"вертел смотал нить ариадны
впотьмах плыть
выть - не быть чей опрос (вопрос?)
взасос sos".

"рас кидал пасьянс два кидал
кинутостью перекошенный
за хотел - тебя потерял
теперь жизнью брошен",
"ты для других раскладов
не мое ладо"...

Всматриваясь в себя отвергнутого, прошлого, лирический герой создает целый гербарий воспоминаний, в которых память летит по синусоиде от самых мрачных моментов до сладчайших.

"Приличья не ради
позволь мне огладить
те вздорные формы
пропорции - спорны
что мучили руки
за память до муки
о шелковой коже
на радость похожей..." - шепчет недавний счастливцу,
не просыпаясь от грез. И тут же его словно передергивает:

"но плебейской своей ты сущности
не зажмешь в кулак как ты ни крути".
Отчуждение заставляет переходить на "вы":

Но текстов такого рода очень мало. Основное бо́льшинство все же идет потоком, написано на сильном эмоциональном подъеме, на взводе, все сложено от первого лица и обращено к утраченной любви, к возлюбленной. Это непрерывный монолог человека, сошедшего с ума от боли, монолог, создающий интонационное единство текстов. Любовь в такой интерпретации больше похожа на камеру пыток, больше на ад, чем на идиллический рай. Описанию боли посвящено больше места, чем описанию нежности.

"тельняшка жизни
исполосатила тело
рубцами боли
рубцовскими
коленками гнутыми
в угол лизать раны
опухли руки
вздувшись от муки..."
"Обрезание свершено
харакири души состоялось
все нутро выпотрошено
алкоголь не задует опалость
душесвечной тоски, я один

и не в поле и вроде не воин
да и ты вроде рядом, но дни
отведенные нам не приволье
все подернуто дымкой
past indefinite tense и отныне
вся безбудущность напряглась
заставляя забыть твое имя."

Настроения автора тоже мечутся по синусоиде от великодушия до проклятий, от молитвы до ухмылки. Он просит вернуть любовь, дать тепло, обещает "отдариться", но сам может только брать. Боится "плебейской сущности", но с ужасом обнаруживает то же самое и в себе.

Есть нечто грустное, что может здесь обнаружить читатель вслед за автором - это невероятный эгоцентризм лирического героя.

"Любовь поэта - редкий дар
пренебрегая им, рискуешь...
(так отвергая гонорар
тщету мирскую ты взыскуешь)
короткой жизни беспросвет
коль осветит любовь поэта
прими ее как божий дар

у переправы через Лету". - Хотя очевидно, что любовь - сама по себе дар, а не потому, что это любовь поэта. Но логический выход из душевного ада все-таки находится -

"...быть отныне одним - у дел
плыть по зарастающей памяти
в боли беспредел
стыть выстывающим остовом
хроники без дел
вдел нить жизни
игла - наркотик
колюсь словами
боль отходит"

Словестные новации Вада Сми стоит рассмотреть подробней. Условно их можно разделить на группы - это осколочные слова, иностранные (английские) и жаргонные. Многие слова он разбивает вдребезги, что ж, это можно понять, если состояние, диктующее их - все разнести, коли жизнь рушится. Иногда это оправдано - усилить звуковой рефрен:

"брошусь в омут боли
бели- зна тел"

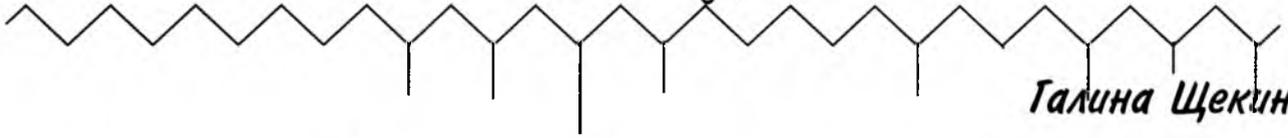
Или затем, чтобы усилить смысловой акцент: "сердце сдавило в углу - об углили"

Была такая старая песня у Донована - "Мелу-елу" (сочный желтый) - не она ли навяла Ваду сочный звуковой рефрен

"ладанка опустела, мела смело
смела смелость - наглости ровня
суетись у мело, мелос под нять
yellow" ?

Рождает ассоциацию - уже неплохо. Гораздо ярче фраза "предсмертный дай... hi". Вполне оправдано выражение, уже процитированное выше - "past indefinite tense", обозначающее "прошлое страдательное" (ответная самой сути, претендует на название цикла). Но не стоило бы, наверно, заглубляться в эту сторону больше того, что есть. Когда игра переходит границы, она становится назойливой. Есть фразы, вовсе не

Ожерелье цербера

Галина Щеккина

требующие трансплантации ("но love мне не избить", «утопленника sempre мой удел»). Жонглирование русскими и иностранными словами на грани здравого смысла и бреда, или на грани фола - порой доводит автора до самопародии: "в астрал послал запрос - smal gerl (женского рода) пошел в отсос"... Столь же рискованно, переходя в свою комическую противоположность, выглядят «алкаю only тебя», «love бахрома», «имел файс зубов целый двуряд», «love for you»... Ненужным, лишним выглядит "of course" - и рядом же перевод, ни к чему и простой диз писать английскими буквами, только текст загромождать.

Подобно тому, как встречаются славянизмы, у Сми есть латинизмы - пост фактум, модус вивенди, телониус монк... Но вряд ли все это свидетельствует о хорошем знании иностранного - скорей о плохом знании русского. В русском слов достаточно, надо только уметь воспользоваться. О неумении Сми пользоваться русским говорят такие фразы: «я разлюбить тебя не буду, я размогу тебя забыть» (выпал человек, ничего не соображает), «лихо гляну карме анфас (?)». Впрочем, справедливо заметил однажды критик Фаустов: "Некоторые недостатки в искусстве со временем превращаются в достоинства".

Кстати, и умение пользоваться языком автору присуще, об этом говорят такие находки как «брови повразлет, губы сотов мед», «... город снегом забелился фатой невестной», «быть рядом. поволока уст. касание волос глазами. все отдано ему. я замер»,

«не ругай же, что де нехороший, ниагарой рыча от услад, все одно зацелую истошино,на десерт - ожерелье рулад», «попал в опалу», «стремя времени сжав ногой», «грилем жарным сердце зашлось воем пожарным вдруг вспомнилось», «я в как угаре пил цветень твою и мы ли виноваты».

Разбивка слов на осколки - довольно интересный стихотворный прием, инструмент, он не только свидетельствует о свободном ориентировании в звуковом пространстве, но также заставляет ощутить сложность самых простых слов. Для примера можно привести фразы "накрыв собой как тень... ю" то есть накрыв тебя, "снами рас...плачусь", то есть и в смысле расплаты, и в смысле плача, «кара н тин», зарифмованное с один, плюс ассоциация с карой d, наказанием, «испьешь дна...горькую раз луку» -горькую как лук, «поведи плечом пава гордая» (слышится - пава гор...), «полу-ум -но шлю»... Но несмотря на правомерность подобных разбивок, к словам все же следует относиться осторожно, они сильнодействующее средство, почти наркотик, и если так уж необходимо, надо для разбивок применять тире, многоточия и тому подобные знаки, как, например, это делают в текстах песен, разбивая слова по нотам. Когда разбивки обесмысливают слово, делают из него мусор - они неправомерны, речь «изрыхляют в клочья». Это «маркиза», «фед Ма». «де кабрь»... Есть, например, у Сми стихи с разбивкой слов, когда строка начинается с конца, пускай бы это устроил стих ритмически - так нет, просто уж ради эффекта («выпал стрелянной гильзой из обоймы/дело стремное сотворив затворно...».)

Есть новообразования путем соединения привычных сочетаний - зафетилась душа (видимо, от слова Фет?)

тогда почему не заФетилась?) Новые Вадины слова - охолол, обезлюбело, гитарноручко, осинно, охорошилсь, непрогляд, устарелла.

Лексика Вада Сми включает в себя многочисленные жаргонные словечки - кайф, крайняк, ништяк, запредел, кураж, бодун, умат, срублюсь, лафа, стремно, апофигей, и сленг тинзэйджеров, и даже "трах-тибидох" - (не говоря художественного слова, "сказочное заклинание Хоттабыча"), и просторечия - "краля ахова, раскудрить тебя налево", «он же не трахал» - много, много осколков самых разных языковых слоев. Например, не случайно употребление Вадам музыкальных терминов - инвенция, реприза, соул - ведь он музыкант по профессии. Иногда это ярко получается - «легато мизинцем по брови», «шопеносумбурность».

Означает ли это некую универсальность текста? Ни в коем случае. Здесь смешение стилей - черта начинающего автора, признак поиска именно своего стиля. Ваду есть из чего выбирать, важно, чтобы вкус не подвел. Возможности его простираются гораздо дальше формальных изысков и легкого эпатажа публики.

Цель эпатажа - привлечение внимания. Но когда внимание будет завоевано, что вполне реально для Вади Сми, придется отвечать за каждый красивый жест, придется раскрываться до дна, демонстрируя либо пустоту, либо откровение сердца. Чего больше?

Многократно глотая зрелую смесь ВАДИСМИТОВОЙ лирики, невольно начинаешь ощущать ее крепость и температуру. В первые моменты облпившая стакан с напитком шелуха мешает, но потом хмель отчаяния постепенно затягивает в свою воронку. Отчаяние любовного краха - оно всегда нешуточно. И всегда этот крах заставляет человека корчиться, понимать что-то неведомое в себя и вокруг, становиться выше себя вчерашнего. Что-то подобное и творится с героем Вада Сми, высекая из автора искры настоящего таланта.

«Горел костер, а я дрожал
обугленное сердце грея.
Не осадить души оскал
когда дыра еще алеет
Подкидываю дров в костер
надежды нет, но я стараюсь
воспоминания гурьбой
спешу сжигать весь содрогаясь
горит постылое былье
я выжгу все лишь бы смогло
забиться сердце меж щипцами»

«Отсутствие возможности римейка
взвело за грань последнюю тоски
уж год как ты ушла - я четко это
лишь нынче осознал, о господи
взрастая по часам нежданной силой
хмелея по утрам судьбе назло
я зарастаю памяти крапивою
чем дольше смотришь тем больней кино
расти рассада пыльным пустоцветом
посеяно пропалывать не мне
но тяжело словно под бронезилетом
вдруг осознать - вернется все вдвойне...»

Ожерелье цербера

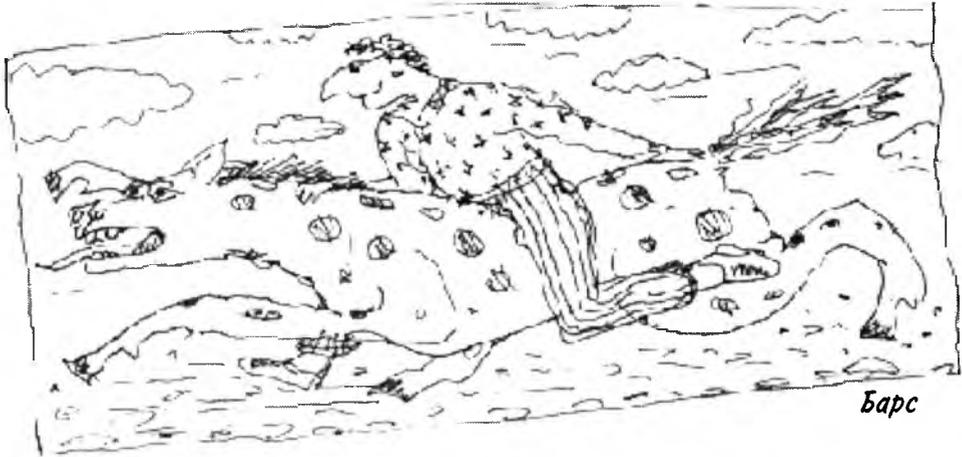
Ната Сучкова

Архипов на троше войны

опыт бессмысленного текстоведения в
занимательных таблицах

В приведенных ниже таблицы и заметки по их поводу вошли цитаты из трех книг Валерия Архипова "Резервация", "Страсти по Евтерпе", "Клипы" и некоторых публикаций (альманах "Стрекоза" №1, 2).

Первоначальная цель - определить символичные сферы, из которых поэт черпает образы для построения своего поэтического мира. Оговоримся сразу - перечень сфер (месторождений образов) - неполный, условный, схематичный. Полного охвата и не требуется, для

Барс

цели исследования - достаточно лишь выявить преобладающую.

В таблице 1 представлены цитаты, подтверждающие обращение поэта к пластам мирового искусства, с целью привлечения образов и образных рядов в стихи. Как видно из приведенных примеров, чаще всего и литературные аллюзии, и визуальная символика, а так же не редко и пласт музыкальной культуры используется путем включения тех или иных имен, несущих основную нагрузку. Употребление в стихах Маяковского, Гарсия Лорки, Рембо, Мандельштама - известных имен в пикантном контексте (Мандельштам, который "встрепенулся на том свете"), употребление имен литературных героев - таков творческий почерк автора. Причем к образам из всех слоев очень часто сопутствует военная тематика.

Таблица 2 позволяет набрать необходимый объем статической информации. В ней приведены цитаты из различных по сюжету, настроению и тематике стихотворений Валерия Архипова, так или иначе использующие в образном ряду милитаристскую тематику. Результат - фактически не остается не одного месторождения образов из которого бы не черпались образы так или иначе использующие военную субкультуру. Это позволяет выделить сферу милитаризма в отдельной таблице в обозначенной месторождение социокультурных образов. То что война - социо - никому доказывать не надо, но кроме того существует еще и целая субкультура войны, внешним выражением которой выступает военная атрибутика - обмундирование, звания, виды вооружения, даже субординация ранений (архиповское - "от простуды игра-

мик").

Анализируя творчество Архипова, нельзя не заметить, что месторождение милитаристическое - одно из самых разработанных и дающих образы для раскрытия всех возможных поэтических тем и вариаций. Примеров тому море.

Архипов пишет

- о любви: "ведь я как неудавшийся старик, как рядовой из в ночь сгоревшей роты", "между мною и тобой конница лихая" или "...я так тебя...но в морду бьет конвой";

- о малой родине: "Вологды - ссыльный ребенок в полвека, Вологда - долгое поле без боя", "И катиться невыплаканный бинт моей дороги, моего болота";

- о творчестве: "Мы оба поэты и в желтом виденьи мы все же сближаемся медленно, робко, наши сонеты и

стихотворенья запах антоновки и винтовки" или "Строчки нам поводыри, рифмы нам солдаты, а сонетов блудный гам - нам в степи кровать", "взорвемся от скуки несказанных слов", "...и ты поэтесса, беги, пока бомбой террорной тебя не ославило в глазик";

- об эротике: "Ты входишь легка, полубред, полупохоть и полужеланье греха, словно брошенный в бурю эсминцу", "Там такие злые лица на груди твоей горячей там сфрейтор обалделый как секс-бомба горько плачет", "...на кофточке белой написано слово нагайкой", "полковник, полковник, зачем ты рыдаешь в ромашках, зачем раздеваешь в затрецинах застывшую замарашку".

Привести подобных цитат можно много гору, кроме того нельзя забывать стихах, где военные образный ряд является доминирующим и служит цели показать именно войну, как основную тему и мелодию стиха ("Осень. Праздник", "Бой без приказа", стихи белогвардейской направленности). Но всегда - война эта - нереальна, это скорее виртуальные бои вне реального времени и пространства.

Несомненно, с точки зрения творческого метода написания стихов, с позиции ответа на вопрос "как получает поэт результат?", Валерий Архипов - один из самых милитаризированных поэтов мне известных. Что заставляет его высадить этот десант батальных образов на читателя - инстинкт охотника, память жертвы, враждебное отношение к миру или стремление от него защититься? Возможно ответ на этот вопрос уже существует, а может Валерий Архипов ответит нам на него своими будущими стихами.

Таблица 1. Символьные месторождения образов поэзии В. Архипова

знак литературные аллюзии	звук (отсутствие звука - тишина) музыкальные ассоциации	визуальная символика кино, живопись, архитектура
Мы встретились на кладбище любви где Маяковский встретился с печалью Зовущейся так коротко "Лили"	как вступление в катарсис безумная флейта твоя и нот скороспелых чужое вранье	Ты словно с розовых красок Сезанна Тихо, таинственно, чудно уснула мужиков под Делона стриженных
Трава в которой умирал Рембо как волосы твои неосторожна меня сегодня хоронила ты, а я остался на перроне славы, где гордая Джульетта ждет отравы он после тишины заголосил - Живьем не дамся! После Мандельштам на том уж свете молча встрепнулся.	Красивые руки, играйте, вершите, Как капельки нотки... Вишневый ликер вы не тревожьтесь, не рвитесь, не надо, вслушайтесь в музыку, музыку Грига Оставь разговоры, остался последний патрон (<i>призыв к тишине - Н.С.</i>) Я ранен в горло чуткою судьбой (<i>полная невозможность петь - Н.С.</i>)	Штирлиц ставит чижик-пыжик до истертости иглы

Таблица 2. Атрибутика военных метафор

атрибут "мундира" экипировка, оружие, техника	атрибут "погона" звания, служебная иерархия	атрибут "выстрела" боевые действия, тактические операции	атрибут "результата" разрушения, ранения, потери, поражение, победа
Где гестаповка в черном? Не знаешь! Неслышишь! Не хочешь! Где твои сумасшедшие ночи?	стань моею суженой - ворон не заметит что мне воин, что паляч - детская игра Молодой офицерик сегодня не встретит отказа	и стала удаляться от меня, как лань от привередливых прицелов я маленький, мне б никого не слушать, но во дворе опять идет война	Да ты не тот... Где шрамы от простуды? и кухонный Освенцим доброты нечаянно подступит к горлу кровью
Только взлетали как "Ту" или "Миги" битые вдребезги мамыны блюдца А солдаты?... их гимнастерочки помяты	Хромою уточкою оттаивает жизнь Молюсь поспешно, фюрер бесноватый.	Моника. В горле какая-то странная сырость. - Завтра стреляют, но все-таки есть выходной. День кончался. Еще постреливают Председатель кипит в истерике: неповинен я, не повинен!	И телефонные будки разбиты прикладами черни. На меня уже давно началась облава, партбилет моей любви пулю пробит
Меч-кладенец поднимаем в пол-раза ясный мой сокол в бою без приказа		сердце отчаянно рвется к побегу А минуты... бьют в висок и уже никого не спасают Между нами война из белого снега Посмотри-ка, у меня гордости не много грянет выстрел из окна, снайпер или смех? Словно теплый, сухой и скребуший выстрел телефонный звонок, прощай ночлега	Желанная муть рокового безверья Тихонечко встану с диванных осколков Мальчик крикнул: "Мамочка" и упал Портретик Маркса в кабинете истории

Андрей Тачнев

Однажды, зимой или летом,
А может быть, ранней весной,
А может... Но дело не в этом,
А в том, что случилось со мной.
Со мной ли? Я, право, не знаю.
Быть может, что с ним или с ней.
Итак, я рассказ начинаю:
В один из обычных дней...
Постойте! Был день или вечер?
О память! Ты как решетот!
Дул ветер мне в спину? Навстречу?
Я шел... Или все таки кто?
Постойте! Начнем все сначала:
Я из дому вышел. Мороз.
Возможно, я шел вдоль канала,
Возможно, топор я понес
По делу. Однако же, слишком
мучителен с памятью спор.
Прикинуть-то если умишком,
При чем тут канал и топор?
Все было совсем по-другому:
Черемуха пышно цвела.
Я вышел, так скажем, из дому,
такого-то, скажем, числа.
Не знаю, зачем же я вышел,
Но я не вернулся назад,
И дождь барабанил по крышам,
И жемчугом сыпался град.
Я шел своей легкой походкой,
Когда из разодранных туч
Ударил прямою наводкой
В меня ослепительный луч.
И не было больше покою
Ни бедной душе, ни уму.
Я шел на свиданье с тобою
Лет пять или двести тому.

Стенгазета СТРЕКОЗЫ.

Советы начинающим литераторам от Арика Трещалова

Утренней гимнастикой полезно заниматься хотя бы потому, что к водным процедурам переходишь не держась за стенки коридора.

Воскресные лыжные прогулки полезны хотя бы потому, что отвлекают от разглядывания порножурналов, кроме того, такие прогулки делают вас сексапильней.

Упражнения на кольцах полезны хотя бы потому, что можно оттянуться в полный рост.

Приседания полезны: можно без грохота сесть в кресло на встрече с читателями.

Писатели и поэты! Вы хозяева в своем доме.

Помни девиз: «Прочти меня, как я тебя!»

Книги бывают интересные и неинтересные. Неинтересные в библиотеке, а интересные у любовницы.

Додумать: Корбаков, Рыбаков, Рыбопункт, Рыбокор, Робокоп...

Трещалов любит продолжать традиции великих.

Так он продолжил Хармса...

«Однажды Гоголь был маленький и любил баловать со спичками. То портьеры сгорят, то кошка за ними. Говорили ему:

- Брось это дело. До добра не доведет это занятие. Он так и не бросил. И в конце концов спалил целый том «Мертвых душ».

Арик занимается с сыном:

- Давай песню учить про новый год.

- Давай. А как?

- Я буду петь «сколько на елочке...», а ты подпевай - сколько. Цифрами.

- Давай.

- «Сколько на елочке шариков цветных?»

- Де-е-сять...

- «Розовых пряников?..»

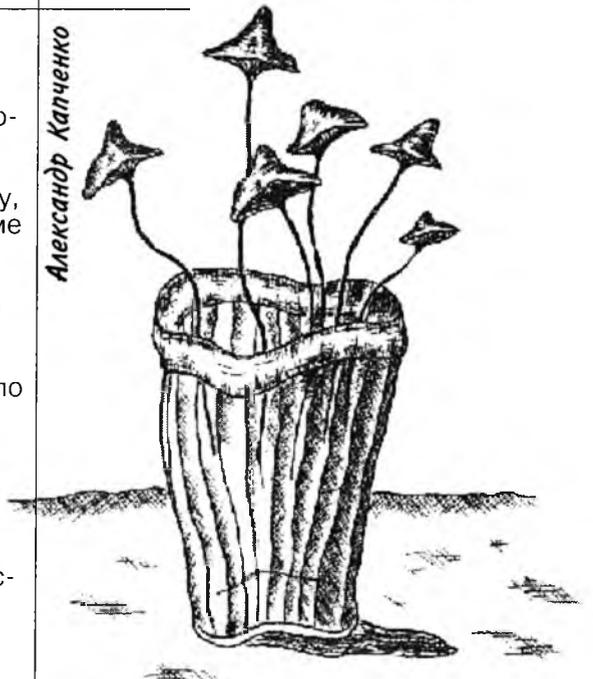
- Де-е-сять!

- Опять десять... Ну ты пой другое число.

- А ты мне потом споешь «все-го», да? А я считаю... - возмущается сын.

За Ариком записывал Сергей Фаустов

Александр Капченко

Счит
Что бьют еще на свете может,
Чтоб нас с тобою удивить?
Твоя собака просит пить?
Мой рыжий пес пасьянс разложит?
Нет, ты скучаешь. Вечер прожит
Нельзя изъезла наша прятать,
Что заставляла лезть из кожи?
И я не знаю. Нечем крыть.
Гора становится положе.
Тарелку сможет приземлить
Здесь гуманно, но не сможет
Как подбает опенить
Скучаюшине-наши рожи...

Павел Тимофеев

ПРИДВОРНЫЙ ПОЭТ?

"Созвучия по случаю" - вылетели из уст, из-под пера, или из-под топора череповецкого поэта Николая Бушенева. В свете различных необязательных праздников эта книжка для читателя чрезвычайно ценная: если не умеешь сочинять "валентинки", то нет ничего проще как взять этот сборник и выписать оттуда нужные строки.

"О моя солнышко, свет мой, звезда!

Ближе я всех к тебе, словно Меркурий.

Как устоять - не сгореть без следа -

Малой планете пред огненной бурей?" (читаи - пред любовью)

А случаи для созвучий у автора вполне уважительные - не какое-то там бесплотное вдохновение, а реальные дни рождения, юбилеи, поездки за город, конференции, новоселья, окончание курса. Все, что сопровождается едой, питьем и криками "ура". На все случаи жизни! Всем окружающим! - шефу, коллеге, приятелю по перу. Сударыням в первую очередь - а как же иначе? Дама достойна поклонения в любом возрасте, будь она "осемнадцатилетившаяся" или уже в браке "весен двадцать пять".

"Двадцать пять лет - как один час!

Молодой свет озорных глаз.

Двадцать пять зим - серебра звень, -

Голубкам - им как один день.

Весен двадцать пять. И еще бы век

В такт сердцам стучать, не смиряя бог!"

Верх галантности - тост "За дорогих сударынь":

"Здесь мне любая дорога.

И в каждую влюбленный,

Вам подарил бы жемчуга.

(Эх, были бы лимоны!)

Для вас шампанское шипит.

И торт. И чай заварен.

Жена поймет, она простит.

За дорогих сударынь!"

Не будем раскрывать всех секретов уважаемого автора - где именно он нашел такие цветники. А то набегут Дон-Жуаны и все разорят, и нечего воспевать будет.

В любой группе, любом коллективе такие поэты, как Н. Бушенев - на вес золота. Они герои всех застолий и цеховых капустников, без них праздник на работе - просто провал. Поэтому Бушенев, без сомнения, придворный поэт при дворе такого солидного учреждения, как Череповецкий педагогический университет. Но подобные целевые сочинения, как правило, оседают на дне шкапулок и памятных адресов, это вещи сиюминутные, и по правде говоря, не всем интересные. Тогда почему Николай Тимофеевич решил в качестве зна-

о л
Палитра

Барс

А. Бруцкус**Переводы из дацзыбао**

5. Пой веселей, сямисэн,
Чтоб не узнала соседка,
Куда подевался горох...
18. Сакэ напившись, спят три самурая
На убранном рисовой поле.
Сад камней, да и только!

С. Стамский**Самурайские страдания**

1. Три самурая на зимнем ветру
Сакэ распивают холодным.
Лучше бы водки нам взять...
2. Безжалостна глубь океана,
Но твари, скользящие в ней,
Хороши к жигулевскому пиву...
3. Подобен лучу самурайский клинок -
И тот затупился.
Проклятая килька в томате!
6. Нынче опять у крыльца
Сидят старички-камикадзе,
вспоминают минувшие дни...
9. Зонтик ажурный от солнца -
Все, что на мне из одежды
После похода в пивную...
15. Падают сверху холодные струи,
Мысли озябли, дрожат.
В вырезвителе - ранее утро...
20. Катит хрустальные воды река,
ветер играет с листвою,
недвижны лишь кильки в томате...
27. Мальчик, пускающий змея,
не знаешь ли, где вендиспансер?
Счастливая детства пора...
36. Долг самурая высок,
Но делать себе харакири
Обидно, поевши пельменей...
50. В роще бамбука
Вспомню родной Урюпинск -
Горько заплачу...

Д. Чистов**Прогулка на Фудзияму**

4. Крылья спалит мотылек,
Если вспорхнет на фонарь,
Красный, как прелести гейши...
12. Что-то в напиток нам подмешали -
С мастером чая друг другу
Такую городим хуйню...
14. В сумрачной бродят долине
Персонажи Рампо.
Больше гашиш не курю...

Три самурая

избранное

комства с читателем выпустить именно их? "Решился подвести итоги своего 40-летнего сочинительства", по своему собственному признанию, - и стихи-однодневки? О, на это нужна смелость, и она у Бушенева есть - ведь предложил на суд "черновой, в общем-то материал"! Чем смелость продиктована - увы, все той же галантностью. Ведь о героях и героинях его гимнов никто б не узнал, ежели б ни его поздравительные вирши! А тут даже список приложен - кого чествовал и за что увековечил. Ну что ж, ассоциация с рыцарем, гибнущим за один благосклонный взгляд - она возникла. Это придворный поэт, которому себя не жаль. Безумие?

И правильно, в конце концов немногие поэты сегодняшнего дня могут проявить себя так. Впрочем, и вирши ведь не пустышки. В них явно виден талант, умение обыграть ситуацию, связать ее с именем, временем года.

*«Нет, не случайно ФНО - НЕФ,
конечно же, как не вертится,
горение от НЕФти в ней,
прекрасное - от НЕФертити»,
«Не африканец - тем не менее
кровь горяча, недаром - Кания»,
«Найдя условия убогие для
дорогон физиологии,
он докопался вдруг до истины
- не стали люди альтруистами».*

*Зачем же? С голоду, со скуки ли спустились с дров четверорунные?
Сидели бы себе на дереве и меньше б было фанабери!»*

В этих строчках чувствуется филолог, в них удачен фонетический перезвон, они красивы звуком, не только смыслом. Кроме того, понимаешь, что именно такое природное озорство привело И. Бушенева в юмористический журнал "Нахаленок". Его частушки-о-да-ески, городищенские анти-страдания просто неподражаемы. Он умеет петь гимны

даже сосискам!

Но ища в сборнике поздравлений "Бозвучия по случаю", нет, да вздохнешь. Какой пыл потрачен! И на что? Самое главное - автор укрылся за частоколом рюмок и цветов, не видно его самого, не слышно. О чем сам он мечтает, что тешит его усталое сердце?

*"Хоть супу, что ли, мне свари,
чтоб отчужденье скрыть.
Ну, не свари, так хоть соври,
что хочешь ты сварить".*

***

*«Уже совсем поздно,
А все не сплю - маясь.
Мне говорят: "Брось, мол,
Таких еще тьма есть".
Что говорят - верно.
Да я и сам знаю.
Но отчего - нервы?
Но почему - сна нет?
Вот заблестит иней.
Настанет день - стаял.
Но лишь всё имя
я всё твержу тайно».*

Удивительно. Шут кривляется, а у самого слезы на глазах. Ситуация очень напоминает известную фразу "смеяся, паяц, над разбитой любовью". Выходит, придворный поэт, так учтиво раскланявшийся со своими первыми читателями, показался нам в маске? Судя по стихам, не вошедшим в первый сборник, упрямая лирическая жилка до сих пор бьется внутри, свидетельствует - настоящего И. Бушенева читатель еще не открыл. Пока - просто получил от него поздравительную открытку.

Тамара Сизова

о л
Палитра

Станислав Хромов
Палитра

Днем в канаве запросто ночью,
ночью вижу милые черты...

Алексей Швецов, «Зеркало»

Я вообще сужу о жизни строго,
Но с семьей лажу без труда, -
Полежу, бывало, у порога,
Пока двери заперты туда.
Нет у нас и речи о раздоре,
Я из дому сора не волок -
Поблужу немного в коридоре,
Помочусь на кухне в уголок.
Ну еще с детьми, порой, за дверью.
Отношенья выясню слегка -
Дочке подзатыльников отмерю,
Сыну врежу знатного пинка!
Что возьмешь, на то и есть ребенок
Помнить крепче будет отчий кров -
И меня дубасили с пеленок,
А смотри - доселе жив-здоров!
На супругу только с перепою
Приходилось братья за топор,
Так ведь целый мир перед тобою -
Ну хотя бы высокочи во двор...
Днем валюсь в канаву под угором,
А проснусь - карманы все пусты...
По ночам склоняются с укором
Надо мною милые черты...

Жорж Ванягышев
Похмельный Бэтмен

Мне снова кажется,
что я рожден не ползать.
И верить хочется, что скоро полечу.
Тогда с собой, для умноженья пользы,
Я в небо пару пива захвачу.
И буду петь блатные серенады,
Раскинув веером огромные крыла,
И с высоты пикировать на даму,
Что мне вчера догнаться не дала.
Ей от меня, летучего, не скрыться
Ни на луну, ни в жаркий Парагвай:
«Попомнишь, милая, шальную птицу!
Мне сверху видно все, ты так и знай!»

*Не залезай в судьбу чужую
Ботинки грязные не сныв...*

Константин Павлов

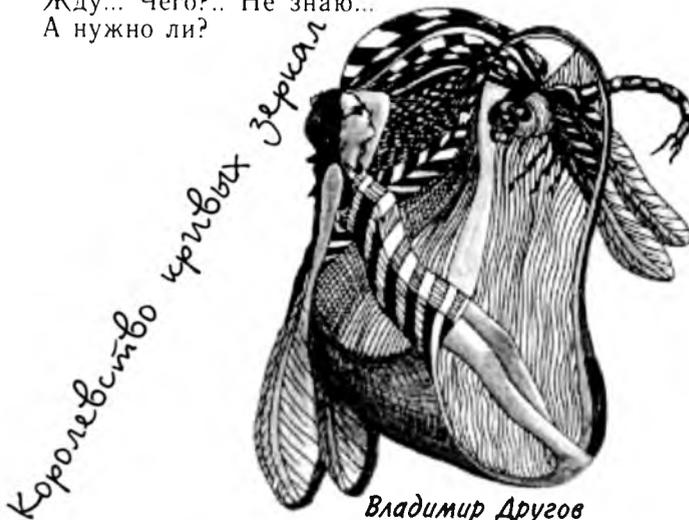
Нынче все нипочем
И легко вроде дышится,
Написать бы о том,
Только что-то не пишется.
Я поэт вроде бы,
Но от слова поэзного
Дома целый дурдом
И дела бесполезные.
И в судьбу, как назло,
Вечно лезут ботинками...
Только я ничего -
посыпаю опилками,
Чтобы чисто, свежо,
Запах хлеба домашнего...
По лугам зацвело
Васильками, ромашками.
Но не понял никто моего вдохновения.
Говорят: "Не пиши,
Костя, стихотворения!"
А я весел и чист,
С кем сравнить и не знаю.
Наплевал я на всех:
Сам пишу - сам читаю!

ЛАРИСА НОВОЛОДСКАЯ

Радио болтает днями на пролет.
Снег то пооттаает, то опять пойдет.
За окном машины в темноту спешат.
За стеной чужие дети тихо спят.
Лампа в люстре - сотка, по глазам - круги...
Где-то дома тетка ставит пироги.
Из прозрачной кальки вырежу цветок.
Как сейчас мне нужен нежности глоток.

ЛАРИСА НОВОЛОДСКАЯ

Через столицу ночи,
Слава богу,
Уже,
Проезжаю!
И подперев ненароком
Подбородок чужими пальцами,
Жизнь: мало ли, много ли...
У чужого причала свай
Обрастают травой и ракушками.
Жду... Чего?.. Не знаю...
А нужно ли?

Владимир Другов

ТАТЬЯНА ЕРМАКОВА

*Там, где желтый песок
С ветром - в висок,
Пока не поздно,
Положите меня
Лицом на восток,
Глазами - к звездам.*

Татьяна Жмайло,
«Соль-Минор»

Ты скажи, мил-дружок,
Хоть в полслова намек:
Как тебе моя поза?
Как китайский божок,
Я лицом - на восток,
Глазами - к звездам.
WEST я боготворю,
Камасутру люблю
Читать ночами
Как тебе этот вид?
Может запад простит,
Что к нему - ногами?

КОНСТАНТИН ПАВЛОВ

*Радио болтает, а в душе - пролет,
Снег чуть-чуть потает, но опять пойдет.
В Ярославль махнула б - где взять самолет,
Что за жизнь такая, вечно не везет.
За окном машины, бес их в ногу, и
Где-то спят детишки, тоже не мои,
Где-то чья-то тетка ставит пироги,
У меня ж от голода в голове круги.
Ну, и ладно, буду вырезать цветок.
Тяпну из бутылки вермута глоток.
Вермут - это нежность для моей души,
Что еще придумать в этой глуши.*

ОЛЕГ МАХНЕВ

*Скоро станция ночью.
Слава богу,
Уже,
Приезжаю!
Скоро утро. Спросонья,
Подперев ненароком
Подбородок чужими пальцами
Считаю: мало ли, много ли?
Пять...
Господи... Чьи?.. Не знаю...
Волосатые,
Как у причала свои
Обрастают травой и ракушками.
Перепутала.
Смотрю на свай...
Вот они!
Может, подпереть специально
Подбородок своими пальцами?
Так надежней
Доехать до утренней станции.
Но не убираю с пальцев
чужих подбородок.
И жду... А чего?.. Не знаю...
Гадаю.
А нужно ли?*

Заоблачный коктейль

Дмитрий Тасин

Прекрасный принц, вернувшийся с работы,
 Перчатки снял, пальто повесил в шкаф,
 Разматывает шарф,
 И, подавив зевок,
 И, вымыв руки,
 Ужинать идет.
 Прекрасный принц с газетой вечерней,
 В спортивных брюках, курит у окна.
 А за окном, где серебром и чернью,
 Расчерчен светом фонарей,
 Укутан теплою
 Январской шалью
 Морозный вечер -
 За окном - темно.
 Темно и смутно времени движенье,
 Что незаметно обратилось в пыль,
 В половики, половник, половицы,
 В полынь, поллитру, пепельницу, пепел,
 Плевки и пустяки -
 Мечту. А мы -
 Мы спим, и в наших снах окрашен
 Печальный остов в теплые тона.
 Стена - сквозь время - разделяет на
 Обыденную, данную нам,
 Жизнь
 И ту, отобранную,
 Более живую, чем мы.
 Сквозь время стены -
 Стены вдоль него.
 Ни в завтра, ни вчера, ни в никогда
 Не встретиться!
 Ни нам,
 Ни им - никем!
 На ленте Мебиуса мыслим ли изъязн?
 .....
 ... Прекрасный принц ложится спать.
 Он пьян.

Альфред Хохряков

Читая Элиота

Остановиться, осмотреться, притвориться
 Усталым.
 Войти в себя и там остаться
 Хоть ненадолго.
 Задать вопрос и не ответить на него.
 Ходить в себе как в доме опустелом,
 Который стал покинут Сутью.
 Искать и не найти Опору.
 Цветы страдания и трещина на вазе.
 И в жизни трещина так глубока,
 что вытекает сквозь нее весь смысл и воля.
 Цветы завянут. За окном
 Лишь снег метет.
 Спокойствие зимы и саван белый.
 Лишь пустота снаружи и внутри...
 Сегодня нет меня в себе. Когда вернусь?
 Вернусь ли насовсем?
 Быть может, растворюсь
 В пространстве тихом, белом.
 Осяду инеем.

Осяду на кустах замерзших...
 Зима внутри и вне...
 Зачем она нужна?
 Сырые спички. Влажные дрова.
 Падет плевок в протянутую руку.
 Замерзнет капля.
 Воспоминания почти не греют,
 Так далеки они.
 Хрупки. Истончены.
 Разорваны. Туманны.
 Вернусь в себя. Найду
 Изнанку пустоты. Из складки
 Появится пылинка как надежда.
 Песчинка радости и веры.
 Подую и согрею. Ведь она живая.
 Не уронить бы, не помять и не обидеть...
 Порывы ветра...
 И погасло все.

Вадим Блинов

Сижу, не евши пирогов, -
 Пусть превратятся в гренки!
 Повидло, как твоя любовь,
 Течет и липнет на тарелке.
 Твой дом рождает аромат
 И зреет, как нектар пчелиный,
 А пчелы где-то в сотах спят,
 К их крыльям прирастают спины.
 Я - спячка, улей, тишина.
 Еще не так мохнаты ноги.
 Вот-вот придет моя весна
 И позовут в полет дороги.
 Течет река из скучных дней,
 Меня пока еще не видно.
 Изюмом балуешь друзей,
 Но все хотят вкусить повидло.

.....
 Он принц, который заколдован,
 Живет за тридевять земель,
 обмолвившись однажды словом,
 Он пойман, как повидлом шмель.

Яков Авербух

Вы, уходящие быстро, как
 Рыжий огонь по шторам,
 Рыжий огонь - сама быстрота
 в картели со штормом
 Вы, сжимавшая так кулаки:
 До хрустах в белых фалангах,
 Вы носившая шпагу-паланкин
 На пухлых гландах
 Вы (и кстати о миндале)
 Под мраком линии фронта
 О недавнем ему болеть
 Еще о ком-то
 Вы разбивавшая (кто вел счет?)
 Младенцев своих о камень*.
 Вы отдаете себе отчет
 В сделанном вами?

* Псалом 136

Пишите нам:

г. Вологда, ул. М. Ульяновой, д. 1 (Областная библиотека им. Бабушкина), для «СТРЕКОЗА»

Приходите к нам:

заседания литАВТем «Ступенка», второй и четвертый четверг каждого месяца в 18.00 - Вологодский областной культурный центр «Русский Дом» (г. Вологда, ул. Пушкинская, д. 25)

Посетите наш сайт в Интернете:

<http://members.xoom.com/strekoza>

Вологодский литературный альманах-индексатор «СТРЕКОЗА» по-прежнему приглашает к сотрудничеству литераторов и художников всех направлений и жанров! Мы будем рады любым предложениям наших новых и старых друзей!

Первичная информация со ссылкой на «СТРЕКОЗА» приветствуется.

© СТРЕКОЗА, 2000

На первой и четвертой страницах обложки - репродукции картин Л. Куршева «Лесные Таланты» и «Художники и модель», на третьей - портреты Е. Шперова «Девочки и мальчик»

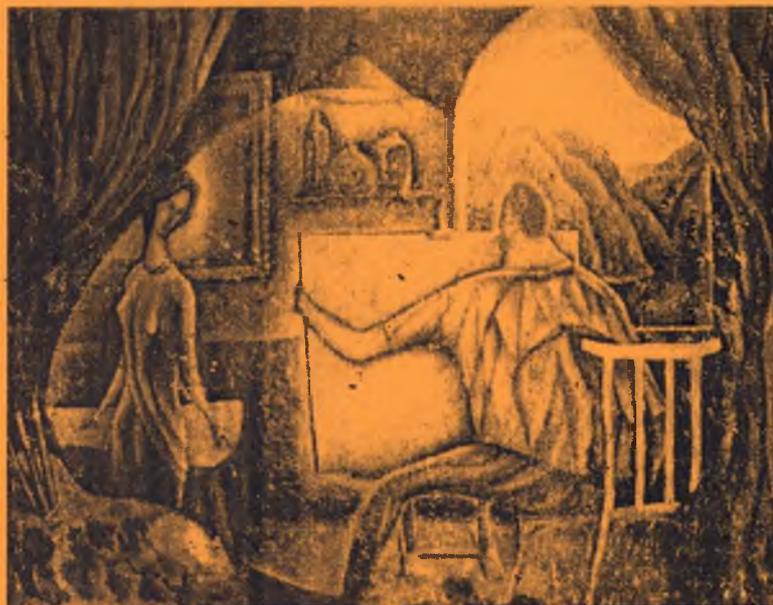
Русские

реинтерпретируются и возвращаются.

Экземпляр № 25

Ната Сидорова
3005 2000

СТРЕКОЗА

Кажется, это название музыкального приложения к журналу «Стрекоза». Компакт-кассета, наверное, будет содержать в себе свидетельства в некотором смысле музыкальных талантов авторов литературной СТРЕКОЗЫ: Якова Авербуха, Павла Тимофеева, Жоржа Вандышева, Сергея Фаустова и многих-многих других, см. обложки журнала со списком авторов.

Безумная идея Сергея Фаустова.

Если он будет и координатором, то вряд ли скоро дождемся выхода первой кассеты.

Тем не менее, готовьте кассеты со своими записями или разучивайте новые песни для нового альманаха.

Техническое содействие и помощь с благодарностью принимается.